ФАЯ РАЙТ

САММОНС

ГОРИЗОНТ СОБЫТИЙ

КНИГА II

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Фая Райт

Санмонс. Горизонт Событий. Книга 2

https://litres.ru/74111941
SelfPub; 2026

Аннотация

Вторая книга дилогии. Первая часть: Санмонс. Мой (не) побеждённый враг по ссылке:

Любовь мертва, и Тьма со Светом снова враждуют, только на этот раз все созданные ими миры вращаются в опасной близости от полного уничтожения. Всадники надеются на силы Шэдо – сильнейшего из выживших порождений Тьмы, но и она сама открыла на него охоту.

Фая Райт
Санмонс. Горизонт Событий. Книга 2

Глава 1 Память о былой Любви

Война лежал на разбросанных по полу подушках. Испорченных, разорванных, выпотрошенных и скукоженных от крови и прочих телесных жидкостей. Ими и пропахших, как и вся спальня Чумы. Та спала на его правом плече, очаровательная в своей естественности без слоёв макияжа, который так любила. На левом же пристроилась Мирэниелис, но она, скорее, лишена сознания, чем сил. Война обнимал обеих, ища глазами хоть один оставшийся бочонок с вином, в горле жутко пересохло. Но вина не осталось, а самое досадное, что большая его часть пропала не по назначению, залив пол.

Его член, поникший во время отдыха, проснулся вместе с ним, и Всадник поморщился, почесав лоб о волосы Чумы. Голова трещала от выпитого, но мышцы приятно ныли, как после хорошего долгого боя. Секс — тоже своеобразная битва. Война не мог однозначно ответить, что ему нравится больше, потому предпочитал смешивать одно с другим.

Сколько прошло времени, тоже тяжело сказать. Он мог без устали трахаться, пока не свалится с ног, а до такого ещё

ни разу не доходило, потому что партнёрши сдавались первыми.

Над комнатой плыла полупрозрачная розоватая дымка благовоний, добавляющая в ароматы пота, крови, секса и прокисшего вина липкую тошнотворную сладость, пронизанную тонким, едва уловимым запахом… роз, что в сочетании с цветом мгновенно взбесили Войну, окунув его в омут воспоминаний…

Дворец Любви, выстроенный из известняка и розового мрамора, тянулся закруглёнными куполами к небу. Он походил на изысканный декоративный цветок среди поля блёклых сорняков. На выкованный мастером стальной меч среди ржавых железяк, но всё равно казался Войне отвратительным, вычурным и инородным. Прекраснее дворца был только сад, раскинувшийся пред ним на берегу горного озера с чистейшей бирюзовой водой, холодной, как само сердце Монрейн.

Война наблюдал, как она ходила по саду вместе с Любовью, собирала цветы, ласкала пальцами ярко-красные лепестки, смеялась над шутками. Но её грызла тревога, иначе бы ни за что не решилась прийти.

Любовь не позволяла Всаднику приближаться к её владениям за то, что тот вырывал и губил любимые розы — символы самой её сути — потому ему оставалось изнывать от нетерпения на нависающей над водой скале, откуда был хорошо виден сад. Из-за шума водопада, его пенных брызг,

он не мог услышать разговор, но ревностно следил, искал взгляд Монрейн, ловил её улыбку. Если бы только приказала, кивнула головой, намекнула, он тотчас бы сорвался, взлетел на крыльях дракона и спалил Дворец и сад дотла. И плевать, что сказали бы на то Смерть и Властелин.

Саншайр благословил этот день: светило сияло особенно ярко, играя переливами в окнах и посыпая перламутром розовые купола, венчающие башни. Но Царица за внешней весёлостью была мрачнее тучи. Любовь обняла её на прощание, что-то прошептала, погладила по спине, но Монрейн покинула её владения в ещё большей задумчивости и растерянности, чем явилась туда.

Война не находил себе места, ожидая её. То и дело вынимал меч из ножен, принимаясь полировать его платком. То же самое делал и с её мечом, который Царица отдала ему, потому что Любовь не выносила даже намёков на насилие.

«Высокомерная, глупая девка, — раздражённо думал Война. — Нисколько она не возвышеннее меня, хотя стремится таковой казаться». Он лично видел, как вспыхивали по её вине жестокие кровопролитные баталии. Как она заставляла восставать против друг друга целые города. Но не принимала это, отрицала свою вину, грустила, даже болела.

«Не всё во вселенной устроено по твоему хотению! — злорадствовал Война. — Оглянись, нам суждено идти рука об руку… Даже твой проклятый Дворец расположен на границе с моими владениями… даже твои розы имеют острые шипы

и цвет пролитой крови на лепестках».

Любовь была холодна с младшими, всегда смотрела свысока с вежливостью и снисходительной доброжелательностью.

Властелин же её обожал, потому что она единственная из семьи, кто нёс мирам свет и добро. Любовь, несмотря на свои ошибки и ожидания, часто мирила злейших врагов, тем самым спасая цивилизации от бедствий, предотвращая их. Она же всегда дарила надежду и выступала за дипломатичность.

Двуличная сука. Война прекрасно чувствовал, насколько похожа она на ненависть, как близко стоит к ней… — только руку протяни. Двое противоположных, но необъяснимо равных по силе состояния.

Услышав тихие лёгкие шаги, он подскочил навстречу плывущей по сводам пещеры тени Монрейн, жаждая поскорее увидеть её саму. Она молчала, погружённая в мысли, подняла голову, одарила тяжёлым взглядом, и он просто взорвался. Подлетел, бережно взял кисть её руки, прохладную в сравнении с жаром, что бесновался под его кожей, прижал тыльной стороной к своим губам, прошипев сквозь поцелуй.

— Только прикажи, и я заставлю её страдать. Заставлю страдать всех, кто лишил тебя покоя.

Монрейн рассмеялась, коснувшись второй рукой его щеки, и Война был готов сам кинуться на собственный меч ради её прикосновений.

— Мой мятежный зверь жаждет мстить за меня?

С громким гортанным смехом она отстранилась, не далась в руки, когда он пытался обнять. Отступила к водопаду, бесстрашно и с азартом взглянув вниз.

— Я на всё готов ради тебя… я верен одной тебе.

Повернувшись вновь к нему, Царица ответила уже серьёзно, и в голосе звякнула сталь.

— Я ценю это, брат. Быть может, наступит тот час, когда мне понадобится твоя преданность. Тучи сгущаются…

И вправду, ослепительный и тёплый свет перестал заливать грот, небо потемнело по её воле. Она не хотела, чтобы Властелин видел. Распустила свои длинные гладкие волосы цвета бездны, стянула кожаные походные бриджи, распустила шнурки топа на груди, встав спиной к Войне. Не дразнила, нет, просто не находила ничего предосудительного в наготе. А он горел, плавился от желания, мучимый невыносимой тоской. Пожирал взглядом её соблазнительные изгибы, каждый миллиметр молочно-белой кожи. Готов был пасть на колени, умолять подарить хотя бы поцелуй. Величайшая из женщин, достойная, великолепная, но… никогда не станет принадлежать ему. Её сердце и разум для него закрыты. Она верна себе, а ещё… Властелину.

Разбежавшись, Монрейн прыгнула вниз, теряясь в бурном потоке воды, а Война так и остался стоять, завороженный и сражённый её красотой и собственными мятежными помыслами.

— Я — это высший дар, но и самое страшное проклятье,

когда безответна, — говорила Любовь разбитыми губами, не утратив своей надменности, даже стоя перед ним на коленях. Лицо грязное, розоватые волосы превратились в жёсткую солому, но огромные ясные глаза не отражали ни капли страха перед ним или кончиной. Напротив, она выглядела блаженной, готовой обрести покой, хотя никто из них тогда не знал, что ждёт богов за чертой гибели.

Война, несмотря на свою решимость убить ненавистную сестру, и сам до конца не верил, что покончит с ней. Думал, что лишь причинит боль, а после Смерть найдёт способ вернуть её… конечно, если прикажет Властелин. Но он не приказал, и это оказались последние слова Любви, навечно оставившие клеймо на судьбе Войны.

— Мои корни глубоко проросли в тебя, ты от меня не избавишься, ты будешь мучиться вечно.

Он до сих пор слышал её голос, полный зловещего, болезненного восторга. И помнил вкус её крови, окропившей его руки и клинок…

Всадник резко встал, скинув с себя обеих женщин, и Чума во сне заворчала, нащупав одну из подушек и обняв её. Он же прошёл к окну, распахнул настежь, нашёл свои штаны, оделся. Во рту ощущение, будто дракон нагадил, и сухо, как в лоне старухи, к тому же рубаха превратилась в разодранные лохмотья.

Босиком и с голым торсом он брёл по коридорам, но те странным образом петляли, вели не туда, а знакомые с виду

повороты приводили в тупик.

— Что за хрень? — ругнулся, не сразу сообразив, то ли он спьяну заблудился, то ли замок издевается.

Первую мысль сразу отбросил, потому что знал эти проклятые стены до зазубринки, сколько себя помнил, а заодно и все их фокусы. Но сколько бы ни ходил, свои покои так и не отыскал, зато лабиринт, насмехаясь, «случайно» привёл его к крытому переходу, ведущему в Башню Смерти.

Война закатил глаза, потерев кулаком и без того красные глаза, и рассмеялся.

— Хорошо. Раз хочешь срочно видеть, то приду, но только не впадай в культурный шок от моего облика.

Смерть оглядела его с ног до головы так, словно её безукоризненно вымытый пол потоптало самое грязное и мерзкое создание, какое только может существовать. С немым осуждением и нескрываемой брезгливостью.

Война был бы рад ещё и наблевать прямо на её наполированные до блеска туфли, но никак не мог вызвать рвоту.

— Ты — животное, — с презрением заключила Смерть, шевельнув пальцами, и окно тотчас приоткрылось. — Совсем не имеешь достоинства. Что о нас подумают низшие создания, какой ты им подаёшь пример?

— Избавь меня от нравоучений. Ты сама меня сюда заманила, не дав привести себя в порядок, что мне оставалось? — скривился Война, без разрешения вышел на балкон, зачерпнул снега, с наслаждением растёр по лицу и груди, смывая

пот, засохшую кровь и вино. Зачерпнул ещё и засунул в рот. Снег стремительно таял на языке, от холода свело скулы, но Всаднику стало значительно легче.

Смерть терпеливо ждала за столом, но Война ощущал на себе её режущий взгляд, что даже острее косы. Но он часто ходил по краю лезвия, ему не привыкать, пока сестра не придумала наказание хуже.

— Я отправила тебе приглашение два деления стрелки назад, ты проигнорировал.

Война хмыкнул:

— Я не видел, был занят.

Смерть так сильно сжала губы, что они посинели, но парировала с подчёркнутым спокойствием.

— Бесконтрольное сношение и пьянство — это не занятость. Ты ещё хуже Голода.

На что Война не остался в долгу:

— Может, ты просто не умеешь отдыхать? Сама-то давно вступала в эти самые… Как ты сказала? «Сношения». Очень советую.

Сестра стукнула кулаком по столешнице и тут же, вернув самообладание, расслабила ладонь, но пальцы остались напряжёнными. Она сменила тему.

— Санмонс, как ты знаешь, выжил, — Смерть беспристрастно взглянула ему прямо в глаза, и Война понял, что его раскусили. Но выдержал, не стушевался, продолжая нагло ухмыляться.

— Он силён, чему тут удивляться?

Юление бесполезно, и они оба это знали.

— Может и так, — согласилась Смерть. — В любом случае, я доверяю его тебе. Потому что ты сможешь сразу ослабить Монрейн, как только он установит с ней связь.

Война ощутил проклятый холод, шевельнувшийся в лёгких. Не мог поверить, что сестрица попросту оставит всё как есть, а не вцепится, словно опарыш в гниющее мясо трупа.

— Ты ради этого меня звала? Чтобы повторить и без того зазубренный план? Я помню, что должен сделать и когда.

Он прищурился, бросая вызов, провоцируя, ища зацепки, подтверждающие или опровергающие догадку. Он помнил поступок Смерти… за который её возненавидел, напоминал себе всякий раз, запрещал забывать, любовно взращивал собственную ненависть к сестре, поливал её воспоминаниями, добивался, чтобы та всегда перекрывала страх. А Войне кроме собственной казни ещё было чего бояться…

— Ещё ты был прав, когда ставил на слабости Санмонса. Используй девушку, — в задумчивости напутствовала Смерть, а когда Война, кивнув, отправился прочь, то сестра бросила ему в спину:

— Но не будь глупцом. Доверие — очень хрупкая вещь.

Словно нож, со свистом пробивший сердце. Война стерпел, но уяснил, что отныне обрёл ещё одного опасного врага.

Замок заметно уменьшился, избавившись от многих жителей. Голоду настолько не терпелось уйти, что он оператив-

но сгрёб гостей. Как именно, оставалось только гадать: либо Смерть разрешила по такому случаю использовать порталы, либо Тёмные отправились в длительную пешую прогулку.

Войне было плевать. Он вымылся, переоделся в чистое: просторную холщовую рубаху, плотные кожаные бриджи, высокие сапоги и дублет из красного бархата с серебряными заклёпками и вставками. Он готовился к битве, что уже началась и по большей части пройдёт не на поле брани, но в залах, покоях и кабинетах. Интриги — тоже кровавый бой, оружием в котором выступал не меч, а ум.

***

Мне снился Лико. Его добрые голубые глаза, смотрящие с интересом и нежностью, открытая улыбка и светлые волосы, трепещущие на ветру.

Он учил меня летать, помогал освоиться. В монастыре меня подобному специально не обучали, чтобы не удрала.

— Как вы это делаете? Это ведь невозможно. Просто взять и обмануть гравитацию, — почти сдавшись, вопросила я, в очередной раз свалившись с высоты полутора метра и ободрав локти и колени. Спину нещадно ломило, мне казалось, я не разогнусь и больше никогда не смогу выпрямиться, а у меня ещё и горб вырастит.

— Это проще, чем кажется, — улыбался Лико. – Врождённый дар.

— Настоятели храма забыли мне о нём рассказать… Боялись, что улечу в первую же прогулку. А теперь это целое испытание…

— Которое ты легко пройдёшь, — напутствовал он. — Давай ещё раз.

Он был строгим, но терпеливым учителем. А ещё очень упорным. Мне было стыдно ныть, занимаясь с ним, и я хотела доказать, что могу быть наравне.

Лико оберегал меня, защищал от нападок и смешков, был моим единственным другом… После предательства Шэдо... Не воображаемым, а настоящим! И дружба довольно быстро переросла в нечто большее. Невинные прикосновения, душевные разговоры под луной… целомудренные поцелуи… Он признался, что я была его первой женщиной, чем удивил. Он любил меня так чисто и искренне, как способен только Светлый. Сама мысль о том, что я изменила ему с Шэдо, уничтожила Лико морально…

И эта моя вина. Моя.

Слёзы сожаления выступили под веками, запутались в ресницах, опасливо потекли по щекам.

Проснувшись, я постаралась не всхлипнуть, чтобы не услышал санмонс. Плотнее закуталась в одеяло, поджав ноги к груди. Не нужно было его целовать, поддаваться, идти на поводу у самых тёмных и запретных желаний. Этой ночью я предала память о Лико, оскорбила его, лаская того, от чьей руки он пал.

Что же я натворила! Не смогла отказать… Того хуже, сама захотела…

Меня влекло к Шэдо до дрожи в коленях, до аморального трепета по всему телу… Почему? Когда его чуть не замучили до смерти на моих глазах… тогда я в полной мере осознала, насколько боюсь остаться одна в этом враждебном мире… Что позволила себе думать о нём… не только как о союзнике.

И за это теперь презирала себя. Пусть, я не любила Лико столь же сильно, как он меня… но никто так не обожал и не заботился обо мне, как он. Многим подобного отношения для счастья достаточно… Мой Светлый не заслужил такого позора… не заслужил того, чтобы я добровольно отдалась его убийце.

Но в то же время… разве я не отомстила за него собственноручно, убив Шэдо?

Почему же тогда так горько и противно в горле? И откуда это жжение в груди?

Вдохнуть глубоко не получилось, всё нутро пронзила тупая, сковывающая боль, по венам прокатилось покалывание, от которого хотелось чесаться. Содрать кожу и расцарапать голое мясо, до чего же невыносимо. И чёрт меня дёрнул пытаться помешать Голоду забрать тёмных? Ясно же, что идея провальная! Но врождённая отвага и стремление к борьбе сделали своё дело…

Я помню только ослепительную вспышку, которая росла во мне, заполняя целиком, а затем взорвалась, тотчас лишая

сознания. Как и на драконе в небе, когда я попыталась дать отпор Войне, как и во время битвы в Низовье… И сейчас то же самое, Голод мне ничего не сделал, в этом я уверена.

Я тихонько застонала, выпрямив ноги. Спазм по всему телу усиливался, боль нарастала, превышая болевой порог. Я прикусила губу, едва не закричав, выгнулась в пояснице, задрала голову, попыталась расслабиться, дышать ровно, но судорога не отпускала.

— М-м-м-м, — терпя муку из последних сил, перекатилась на другой бок, наткнувшись на Шэдо.

Он проснулся, а, может, и не спал вовсе, не видела, не открыла глаза. Всю сосредоточенность забрала боль, вытолкнула из головы все мысли.

— Тише… сейчас пройдёт, — услышала успокаивающий шёпот над ухом, почувствовала осторожное прикосновение к спине широкой и тёплой ладони. Вдох, выдох. Спасительный холод пополз по горящим венам, остужая их, спазм отпустил, мышцы расслабились, я смогла спокойно дышать.

Шэдо убрал руки к тому моменту, как я осмелилась взглянуть на него, и рассматривал меня с тенью раздумий на лице.

— Что со мной такое? Каждый раз, стоит использовать силу…

Нечто похожее было, и когда в меня вошла часть энергии Шэдо после его смерти, отравила тьмой. Мне приходилось учиться ею пользоваться, подчинять… Но я не падала в обморок. А ещё думала, что с силой Элиссио будет иначе…

Это ведь чистый божественный свет и тоже совместим с моей кровью, как и тьма Шэдо… почему же он так меня мучает?

— Не используй её… она тебя разрушает, — прошептал он с долей сожаления в голосе, но я приняла слова за вызов.

— Во мне сила Наместника, а она даёт хоть мизирный шанс защититься. Это лучше, чем быть совершенно беспомощной.

Он не ответил, только продолжал о чём-то мрачно думать, но я приободрилась, окончательно проснувшись, сбросила с себя ужасы сна.

— Хотя всё нормально, я просто перенапряглась. Ещё не умею контролировать божественную мощь.

Снова отползла от него, хотя Шэдо лежал на противоположном краю и без одеяла, потому что в то завернулась я. Он лёг, закинув руку за голову, скосил на меня пронизывающий взгляд, усмехнулся.

— Не стоит бояться, я тебя не укушу.

Я поёжилась, прикрыв глаза на мгновение и выдохнув:

— Я не боюсь. Не этого.

Санмонс чуть приподнял бровь, выражая неодобрение.

— Жалеешь о своих поступках?

Уколол, заставив встретиться с неприятной правдой один на один. Я вспыхнула, отвернулась, но он не отводил тяжёлого взгляда, упорно ждал ответа. Какого? О чём он вообще спрашивает, на чём пытается подловить?

— Теперь я точно твоя рабыня!

Это не совсем то, что я хотела сказать. Вышло необдуманно, импульсивно и резко. Я так сильно сжала кулаки, что руки задрожали.

— Не усложняй. Мы оба хотели этого.

— Это неправильно! – вспыхнула я, лихорадочно ища, куда накануне угодил мой халат. Находиться рядом с ним обнаженной, пусть и в одеяле, было невыносимо.

— А кто диктует правила?

Шэдо не казался задетым или как-то уязвлённым. Хуже того: он мне не поверил.

— Я сама себе их диктую, — ответила я с вызовом. – Ты причинил мне много боли… не думай, что секс заставит меня простить.

Он хмыкнул, задумался, потёр ещё заспанные глаза ладонью.

— Я не могу исправить того, что сделал в прошлом. И тебе тоже нет смысла жалеть, что отдалась мне, не мучай себя.

Я покраснела, но всё же не удержалась и съязвила:

— Можно сделать так, чтобы это больше не повторялось.

Он ответил без доли насмешки, волнующе серьёзно, и от слов, в сочетании с его низким приглушённым голосом, по моей спине, бёдрам и рукам побежали крупные мурашки.

— Мы не в том положении, чтобы противиться своим желаниям, у нас и так отняли слишком многое.

Мы замолчали. Тишина стала осязаемой, мягкой и пори-

стой, как свежий снег, хрустела под пальцами, выла злым ветром за окном, остервенело долбилась в стёкла. Я тайком наблюдала за Шэдо, его строгим профилем, непоколебимым, непримиримым выражением лица… Он весь обратился в напряжение — натянутая, вибрирующая струна. О чём думал? Что терзало его, помимо нашей общей проблемы, плена, неотвратимого противостояния с превосходящими по силе противниками?

Кожу кололи тысячи маленьких иголочек. Он не смотрел на меня, но я всё равно ощущала пристальное внимание всем телом. Знала, чего он хочет… каких демонов удерживает на прочных цепях внутри ледяной стены. Они рвутся, истекая слюной, к своей желанной добыче, жаждут растерзать, впиться зубами в плоть, вкусить… Их глаза сверкали в полумраке вспышками зловещих молний, и я удивлялась, как Шэдо удается оставаться внешне совершенно спокойным при такой буре внутри?

Но самое пугающее, странное и непредвиденное то, что и мои черти тянулись в ответ, отзывались, хотя вовсе не имели цепей, лишь изношенные верёвки.

Мне стало жарко, стыдно, тоскливо. Я отвернулась, лишь бы не видеть его, не чувствовать его присутствия так близко, что протяни руку и дотронься. Прочь. Прочь из моей головы!

– Война пытался заставить меня шпионить за тобой, – призналась я, прикусив губу. Шэдо удивлённым не показался, только хмыкнул.

— Это логично. Я использовал Бель с той же целью.

– Бель? – вскинула я брови. Вот, почему он внушил ей те видения в доме Войны.

– Да, чтобы не рисковать тобой… – промораживающая до костей честность. Сердце сжалось и затрепетало в груди.

– Мне казалось… она когда-то была твоей… Думала, что ты, скорее, станешь прикрывать её, чем меня.

Шэдо на это нахмурился, впервые на миг отвёл взгляд и покачал головой.

– Ей была важна только власть, а не я сам. Она легко отреклась от моего имени после поражения… Сохранила свою жизнь, тяжело её винить. Но сейчас каждый выживает как может. И ей я помочь не могу. Для меня… – он осёкся, вытянул руку и провёл подушечками пальцев по моему плечу, заставив кровь воспламениться под кожей. – Для меня важна только ты… и наш мир.

– Знаешь… – я сглотнула, не в силах смотреть на него и выдерживать этот прямой, откровенный и хищный взгляд. Гордость и принципы не позволяли сдаться. – Пусть Лико и прошлое, но он был для меня важен, а ты убил его. Разрубил напополам, даже не взглянув, будто он был мусором под твоими ногами, а не… живым.

Шэдо отдёрнул руку, оставив попытки прикоснуться ко мне. В глубине его зрачков вспыхнуло горькое осознание, но он не стал отрицать, потому что знал, что никакие слова и заверения не избавят меня от режущей скорби. Сказал толь-

ко, когда я уже встала с кровати:

— Это была финальная битва, и все, кто стоял между мной и Элиссио, были моими врагами. Им отдали приказ убить меня. Никто из них бы меня не пощадил. И я даже не знал, как выглядел твой Лико.

Я направилась в ванную, силясь ни о чём не думать, провалиться в эмоциональный желейный вакуум.

Но только переступила порог, как у входа снова заскреблись. Шэдо открыл дверь, потом закрыл обратно с приглушённым характерным щелчком. И сказал громко, чтобы точно расслышала:

— Передали, что мы должны собираться в путь.

Я нехотя по земной привычке глянула в окно, чтобы убедиться в наступлении утра. Но увидела лишь залепившие стекло снежинки да сумеречное небо, пронизанное лентами света и изуродованное чёрной дырой. Поёжилась, обняла себя руками, растёрла плечи. Умылась, посмотрела на своё отражение. На коже ещё виднелись следы засосов. Волосы походили на копну соломы. Я чувствовала себя разбитой, подавленной, совершенно неспособной оставаться сильной. Хотелось разрыдаться или упасть обратно в подушки и больше не просыпаться. Что тогда сделают эти чёртовы Всадники? Возьмут на ручки и понесут?

Шэдо вышел на балкон, любезно предоставив мне пространство, и я благодарила его за эти проявления тактичности. Оделась, причесалась, привела себя в относительный

порядок. Позже он занял ванную, а когда вернулся, нас уже ждали пьёны с чёртовыми кандалами в лапах.

— Это обязательно? — простонала я и попятилась, когда «дементор» плавуче двинулся ко мне. — Я не сбегу. Буду хорошей девочкой, честно-честно!

Мой жалкий голос мог соревноваться только с выражением лица. Шэдо мимолетно закатил глаза, приблизился к слуге, забрал у него предназначенный мне ошейник, откинул тот в сторону. Пьён отступил с поклоном с его пути, а я уже даже не сопротивлялась, когда Санмонс сжал мой локоть, и мы двинулись в путь в сопровождении призрачных слуг.

— Я не полечу обратно на одном драконе с Войной, — прошептала я, чувствуя, как с каждым шагом отвращение и паника сковывают конечности. Мне всё труднее переставлять ноги, они как будто ватные. Я тормозила, но Шэдо тянул дальше, заставляя идти.

— Лучше спрыгну и разобьюсь.

— Не глупи, — ледяным тоном приказал он, до скрипа сжимая челюсти.

Пальцы казались горячими щипцами, стоило Шэдо надавить чуть сильнее, и раздробленный сустав мне обеспечен. Я дёрнулась в надежде ослабить хватку и он, словно опомнившись, поддался.

Драконы уже ждали во дворе, как и их хозяева. Ящеры шипели, били хвостами и крыльями, вертели мордами на ветру. Снежинки, касаясь их чешуи, таяли, от горячих тел на

холоде, превращаясь в густой пар. Всадники стояли поодаль друг от друга. Чума гордо сидела на скамье, закинув ногу на ногу, облачённая в бело-золотой походный костюм, подчёркивающий каждый изгиб её идеальной фигуры. Она гладила свою крысу, сидящую на плече, кормила её кусочками сырого мяса с рук, будто не замечая ничего вокруг.

Война полировал меч хлопковым платком. Увидев нас, он убрал платок в нагрудный карман, а клинок спрятал в ножны, кожаными широкими ремнями закреплённые на поясе. Я чуть не споткнулась, стараясь казаться для него незаметной, спряталась за спину Шэдо, но всё равно физически ощущала плотоядный похотливый и насмешливый взгляд Всадника и его кровожадную ухмылку.

— Вижу, ты совсем распустил рабыню, Санмонс. Уже выгуливаешь без поводка, — поддел он, на что Шэдо ничего не ответил.

Война приблизился, прошёл мимо нас к дракону, по-свойски хлопнув Санмонса по плечу.

— Рад, что ты выжил, без тебя было бы скучно.

Шэдо дёрнулся, как от удара, скривив губы в приступе брезгливости.

Красный ящер Войны опустил треугольную голову, приветствуя хозяина, обдав его струёй дыма.

На улице было холодно, ужасно холодно. У меня застучали зубы и обледенели кончики волос. Мороз всё настойчи-

вее щипал кожу, делая её чувствительной и красной.

Чума, спрятав крысу в декольте, встала, откинув за спину тщательно уложенные пряди белокурых волос.

— Смерть не выйдет попрощаться, поэтому ждать нам больше некого.

Она ловко запрыгнула в седло, поманила Шэдо к себе пальцем. Но тот остановился, чтобы проследить за Третьим. Война же подошёл ко мне, бесцеремонно подняв на руки. Я невольно уперлась ладонями в его грудь, отталкивая, а он только рассмеялся.

— Какая же всё-таки прыткая.

Расслабил руки, и я чуть не упала, перехватил за талию, развернув, и легко закинул меня себе на плечо, хлопнув ладонью по ягодице.

— Так тебе больше нравится?

Я колотила его кулаками по спине, вырывалась, брыкалась, но Всаднику было плевать. Шэдо, к моему счастью, решительно шагнул в нашу сторону, не сумев проигнорировать мои унижения.

— Прекрати.

Всадник обернулся, глянув на Санмонса с долей любопытства.

— Хочешь, чтобы я отправил её к Голоду пешком?

Война не собирался причинять мне существенный вред, просто издевался, и чем больше я сопротивлялась, тем сильнее его забавляла, а себя выставляла на посмешище, но сама

его близость ко мне доводила до паники, с которой не получалось совладать. Наконец, ему надоело, и он сказал мне без тени жалости или смеха:

— Продолжишь вести себя, как тупая визгливая девственница в первую брачную ночь, и я сломаю тебе шею. Предпочитаю лететь в тишине, чем слушать твои вопли.

Мой пыл поутих, я вся сжалась и умолкла, еле как держась за ремень, опоясывающий широкую мощную спину Всадника. Снег валил, залеплял лицо, пальцы становились деревянными, почти неподвижными. Сердце колотилось в горле.

Война потащил меня к дракону, поднял выше, чтобы забросить зверю на спину. И я с ужасом осознала, что он собирается не посадить меня, а именно перекинуть, как мешок. Уложить на живот, чтобы голова и ноги свободно висели по обе стороны от позвоночника ящера.

— Нет, я так не полечу! — взвизгнула я, вывернувшись, попыталась сама заползти на дракона, чтобы сесть, но Всадник поймал за щиколотку и потащил обратно. Чума смотрела на нашу борьбу со скукой, Шэдо весь напрягся. Казалось, ещё немного, и он взорвется… Я испугалась того, что он подставит себя под удар, дав Всаднику повод манипулировать собой.

Но со стороны входа в замок нас вдруг окликнули:

— Война, ты совсем манеры растерял!

Давя норовящие брызнуть слёзы, я в отчаянии обернулась. Голод, подняв одну согнутую в локте руку, прятал ли-

цо от пурги. Ветер нещадно трепал его светлые кудри, снег сыпался за воротник плаща. Война резко огрызнулся:

— Ты ещё здесь? Оставил гостей без присмотра? Как некультурно.

Голод подошёл ближе. Дракон Войны зарычал на него, но Всадник не испугался, проходя мимо хищной пасти и нацеленных на него злых рубинов глаз.

— Чего хотел? — раздражённо спросил его Война, без труда увернувшись от моей отчаянной попытки лягнуть его в лицо.

Голод лениво указал на меня.

— Отдай девушку мне, я её подвезу.

Сунув два пальца в рот, он пронзительно свистнул, и в пасмурном небе среди плотных тяжёлых туч раздался ответный рёв. Драконы разом встрепенулись, вытянули длинные шеи, подняли морды, приветствуя собрата. Чёрного, словно выкованного из обсидиана, с блестящей гладкой шкурой, длинными мечевидными рожками и острым скорпионьим жалом на хвосте. Ящер приземлился неподалеку, подняв в воздух ворох снежинок, растопив лёд под лапами и брюхом.

— Нам как раз по пути, — развел Голод руками. Война смотрел на него, как на дурака, но тем не менее настороженно.

— Я сам справлюсь, — ответил он, но брат не собирался сдаваться.

— Да ладно, жалко тебе что ли? — ухмыльнулся Голод.

— Я верну тебе твою игрушку в целости и сохранности. Ты ей сейчас руку сломаешь.

Я дёрнулась и замычала от тупой нарастающей боли, когда Всадник заломил мне локоть за спину. Война не уступал, но и Голод продолжал настаивать, и это окончательно достало Чуму.

— Да отдай ты ему её, раз так хочет! Потом вы разберётесь со своими игрушками! Я хочу сейчас поскорее добраться до места, а не превратиться в сугроб.

Война, сплюнув, рванул меня за волосы вниз, и я точно бы ударилась о стылую землю, но Голод мгновенно оказался рядом, поймав. От него пахло мятой, табаком и прелой листвой. Руки оказались на удивление сильными, несмотря на внешнюю худобу. Но объятия не успокоили, я чувствовала себя просто вещью, которую не поделили дети, ни больше, ни меньше.

— Привет, красавица, — очаровательно улыбнулся победивший Всадник. — Как насчёт немного прокатиться?

Война, не скрывая раздражения, вскочил в седло, щёлкнул поводьями, и Голод едва успел отойти вместе со мной, иначе огромный красный дракон размахом оглушительно хлопнувших в колючем воздухе крыльев точно снёс бы его с ног. Чума, презрительно фыркнув, тоже щёлкнула языком, и белый дракон послушно взмыл в небо следом за братом. Метель быстро поглотила их силуэты, но я всё равно успела почувствовать на себе тяжёлый взгляд Шэдо. Меня согрела

эта немая невысказанная тревога, даже если я самолично её придумала.

— Мои сородичи иногда невыносимы, — игриво и несколько виновато произнёс Голод, взглянув на меня своими карими мутными глазами. — Расслабься, злое чудище улетело, оставив принцессу в руках принца.

Я в самом деле дрожала от перенапряжения, упрямо скрестив на груди руки. Стала хрустальной статуэткой, неподвижной, но хрупкой.

— Если «принц» в родстве с «чудовищем», то это уже не идёт ему на пользу, — оставалось только язвить, и Голод оценил, беззаботно рассмеялся, поставив меня на ноги, взял за руку и повёл к уже осёдланному дракону.

Я не противилась. Лучше уж он, чем озабоченный псих. Хотя кто знает, чего ждать от этого Всадника. Как убедились все тёмные, чувство юмора у него тоже… весьма специфичное.

— Зачем спас-то? Какое тебе до меня дело?

Голод картинно закатил глаза, словно ничего скучнее и предсказуемее в жизни не слышал.

— А для всего должна быть причина? — его усмешка не имела двойного дна, совершенно посредственная.

Он обернулся, прищуренными глазами пробежав по моему исполосованному подозрениями лицу, и охотно добавил:

— Потому что захотелось. Пришла в голову мысль кое-что тебе показать, довольна? Прыгай.

Он кивнул в седло, подставив мне свои сцепленные в замок руки вместо стремени.

— Не бойся, приставать не буду.

— Уж пожалуйста, не надо, — дерзко ответила я, ухватившись крепче за шипастые наросты на спине дракона и поставив ногу на пальцы Голода. Он легко подтолкнул меня, я перекинула вторую ногу через спину дракона, забравшись в седло, а Всадник легко вскочил следом, обхватив меня за талию одной рукой.

Ветер трепал мои волосы, швыряя их на лицо Голода, и тот отворачивался, отплёвывался, когда пряди били по губам, как бы я ни поворачивала голову. В конце концов, он осторожно собрал их в кулак и вручил мне, чтобы держала, а сам придвинулся плотнее, чтобы держать меня. Наши бёдра и тела соприкасались, но в этом как будто и не было ничего предосудительного.

Его дракон был самым маленьким в сравнении с остальными, но послушным, совершенно безропотным. Он раскрыл перепончатые крылья, ловя ветер, и мягко оттолкнулся от земли лапами.

Как только мы набрали высоту, Голод отпустил поводья, достал сигарету и закурил, с упоением глядя вокруг. Я же наоборот напрягалась, вцепившись в его руку, чтобы не свалиться.

— Так что ты хотел мне показать? — спросила, как только смогла нормально дышать. В небе каким-то чудом было

теплее и светлее, чем во дворе замка Смерти. Хотя землю было не видно из-за плотной гряды облаков.

— Дворец Любви, — выдохнув кольцо дыма, сообщил Всадник, смачно затянувшись снова.

Я опешила, совершенно не понимая, зачем ему это. Но спорить не стала, охваченная смутным предвкушением перед знакомством с чем-то великим и древним.

— Решил, что тебе понравится.

Чёрный дракон парил над бескрайнем дымчатым морем, пронзённым переплетениями световых рек, волнами воздушных потоков. Грациозное, гибкое и неимоверно изящное животное — дитя огня и пепла.

Привыкнув к полёту, я смогла немного расслабиться, дышать глубже, села ровно, чуть отодвинувшись от обнимающего меня Голода. Он не настаивал. Как только мы набрали высоту и выровнялись, сразу убрал руку с талии, и я была благодарна за проявленную тактичность.

Войны и Чумы и след простыл, они затерялись в тумане и плотных верхних облаках. Ни криков, не грома хлопающих перепончатых крыльев. Тотальная, чарующая тишина. И воздух уже не такой колючий, не щипал щёки и открытые плечи, не бил обжигающими морозными плетьми. От тела дракона исходил жар, глянцевая чешуя переливалась от близости потоков, словно рыбья в лучах летнего солнца. Мне захотелось коснуться её, проверить, гладкая ли она или жёсткая, как бронзовая пластина.

— У него есть имя?

Я не видела, что делает и куда смотрит Голод за моей спиной, но своим вопросом как будто отвлекла его от медитации. Он кашлянул и неуверенно переспросил:

— Что?

— У твоего дракона…

Я чувствовала покалывание на затылке и меж лопаток, там, где спины касался блуждающий взгляд Всадника. Видела его руки, белые и изящные, как девичьи, сжавшие поводья на уровне моих рёбер.

— Вы даёте имена своим… питомцам? — в его голосе сквозило удивление и усмешка.

Я пожала плечами.

— Всем домашним животным.

Голод рассмеялся, будто я сообщила нечто странное, из ряда вон выходящее. Но в его смехе прослеживалась невыразимая злая ирония, словно от осознания, что стал жертвой жестокой шутки.

— Вулканик, — сознался он. — В одном из миров я видел целый остров среди воды, покрытый чёрными горами, в недрах которых тёк жидкий огонь. Но несмотря на это, там процветала империя, подчинившая своей власти близлежащие земли. Но однажды все те вулканы разом взорвались, похоронив под собой всё население… Это было стихийное бедствие, созданное самой природой, к чему ни Властелин, ни

Царица руки не прикладывали. Камень и пламя. Мой дракон воплощает собой это сочетание.

— Символично, — не найдя, что ещё сказать, ответила я, в самом деле поразившись тому, насколько сильно отличается восприятие окружающего мира у нас с Голодом. То, что мне более-менее привычно и страшно, для него удивительно и великолепно. И наоборот. Всадники заперты в своём измерении, потому с интересом изучают прочие миры, черпая из них что-то для своего. Мне хотелось копнуть ещё немного, узнать больше, по возможности понять…

— Почему ты так отреагировал, словно давать прозвища стыдно?

Голод подул мне на макушку, и волосы упали на лицо мелкими иссушенными и приставучими прядками, прилипли, но страшно было отпустить седло, за которое держалась, и убрать их. Я завертела головой в надежде, что ветер поправит сам.

— Эй, что ты делаешь? — возмутилась, на что он снова только посмеялся и коснулся пальцами моего лба, исправляя последствия своей шалости.

— Однажды Властелин тоже дал Царице прозвище, и оно ей так понравилось, что стало её именем.

Я никак не ожидала подобного поворота в разговоре, потому даже задержала дыхание, чтобы не спугнуть момент. Любопытство и нетерпение дотронуться хоть мельком до тайн величайших существ во вселенной будоражило и подо-

гревало кровь, заставляя быстрее течь по жилам.

— Какое?..

— Монрейн, что на одном из первых придуманных ими языков означало «лунный дождь».

Изумление вылилось в яркую броскую вспышку недоверия, и я обернулась, чтобы увидеть лицо Голода, несмотря на наше до смущения близкое положение.

— Причём тут Луна? Разве она есть не только в нашем мире?

Всадник выглядел озадаченным не меньше меня, он медленно поднял руку и указал пальцем вверх, на исполинскую чёрную дыру, безмятежно поедающую небо.

— Луна или Мона — это символ Тьмы, ночи и мрака. Холодное небесное тело, созданное Царицей, её пристанище, которое видно, лишь когда на него напрямую падает свет Властелина. Многие миры называют её именно так.

— И сейчас Луна пожирает ваш мир? — я с сомнением подняла голову. Отсюда непостижимая и неизученная катастрофа казалась ещё ближе и ужаснее. Меня пробрал холод, и я опустила голову.

— Она поглощает миры один за одним, и, если её не остановить, заполонит собой всё, включая нас.

Он говорил об этом, как о чём-то неизбежном, а потому не имеющим смысла тревожиться. Как о болезни, что в отсутствии лечения приведёт к смерти. Но ведь это, наоборот, кричало о необходимости того самого лечения… Всадники

же выдавали себя за спасителей, и, похоже, сами верили в своё благое дело. Собирали и защищали жителей миров… и с их точки зрения мы являлись вовсе не угнетёнными пленниками, оторванными от родных краёв, а уцелевшими, благодаря им, элементами цивилизаций.

И я уже сама усомнилась в своём видении ситуации… А вместе с сомнениями пришло ужасающее своей обречённостью осознание, стоило вспомнить о судьбе тех, кто избежал Жатвы и остался дома. Мамон… Асмодей? Многие высшие тёмные, кому посчастливилось пережить нападение Войны. Выходит, теперь они брошены на погибель, о чём даже не подозревают, а мы имеем шанс спастись?

Безумие какое-то.

— То есть… если финальной битве суждено случиться, то состоится она именно здесь?

Мне стало не по себе об собственного умозаключения. Со стороны, наверное, звучало бредом сумасшедшей, но Голоду было несмешно.

— Угу, — только и выдал он, от чего меня мгновенно бросило в жар и холодный пот.

Но Всадник не стал акцентировать внимание, натянул поводья, и дракон начал стремительно снижаться, почти пикируя вниз, но я, охваченная благоговейным удушающим страхом, даже не успела испугаться, как зверь снова выровнялся, легко и плавно прорезая извивающимся телом упрямую воздушную гладь.

Под нами раскинулся город, сияющий мириадами огней, высоких стеклянных зданий, площадей и бьющих в небеса прожекторов. Мне показалось, что я сплю, пришлось даже моргнуть и о плечо потереть глаза прежде, чем им поверить. Нет, под нами плыло не скопище призрачных созвездий, а самый настоящий земной мегаполис, шумный, весёлый и неутомимый.

— Это что? Вегас? — опешив, спросила я, совершенно неподумавши. Наверное, и выражение моего лица в этот миг было идиотски глупым. Я летела над огромным городом… на драконе…

— Что такое Вегас? — не понял Голод, и его голос вырвал меня из обволакивающего, пьянящего и головокружительного состояния нереальности, красочного сна, которому способствовало ощущение полёта.

— Лас-Вегас… город в моём мире, где собраны все развлечения. Казино там… клубы…

Мне не верилось, что я это говорю, хоть воспоминания способствовали сохранности сознания в относительном равновесии. По крайне мере, я не спала, потому что могла чётко сказать, кто я, где я и откуда я. Уже прогресс…

Голод ещё раз натянул поводья, и дракон снова снизился, теперь проносясь прямо над крышами самых настоящих небоскребов. Внизу били фонтаны, пронзенные цветными стробоскопами. Кричащие, агрессивные цвета, музыка, бьющая из огромных динамиков, вывески со знакомыми

и незнакомыми надписями, бурлящий источник жизни.

— Я собрал многое из других миров. Буквально всё, что пришлось по душе. Даже не вспомню, что и откуда, — несколько растерянно объяснил Голод, наблюдая за моей ошарашенностью и, похоже, умиляясь. — Я покажу тебе каждый проулок этого места, если интересно, но сейчас мы летим не сюда.

Дракон взмахнул крыльями, вильнул хвостом, ускоряясь, и вскоре город остался позади. Теперь мы летели над красивейшими долинами, высокогорными лугами, и большими голубыми озёрами, реками и пенными водопадами. Всюду цвели цветы, и пахло свежестью, свободой и умытой чистой росой зеленью.

Снова заметив моё написанное на лице смятение, Всадник терпеливо пояснил:

— Смерть у нас предпочитает ледники, мне же ближе то состояние природы, которое вы называете весной. Мы с Любовью делили эти земли.

Долины сменило сплошное скалистое нагорье, усыпанное пещерами, непроходимыми камнями, глубокими расщелинами и отвесными скалами, на которых не росло ни единого куста или цветка. Безжизненный, недружелюбный край, зияющий неприветливой пустотой трещин. По ощущениям мы приближались к владениям Войны, вдали с высоты даже виднелись поля красных маков. Скользкая липкая тревога прокатилась по позвоночнику и обосновалась в лёгких, ме-

шая свободно дышать.

А если Голод соврал и везёт меня вовсе не во Дворец Любви, а я, дура, развесила уши. Решила, что брат Войны — не отмороженный ублюдок, и с ним я в относительной безопасности. Захотелось рассмеяться, громко и нервно, так и подмывало. Смех царапал горло, норовя лавиной снести и без того расшатанные остатки выдержки.

Так, Офелис, дыши.

С чего Голоду вообще мне показывать Дворец Любви? И что, чёрт, он вообще подразумевал под этим названием?

Я поёрзала, осмотревшись по сторонам, делая вид, что любуюсь пейзажами. Резко ударить Всадника локтем в живот и выпрыгнуть, авось насмерть не разобьюсь… Нарастающая тревога твердила, что план хорош, а вот дальше? Бежать? Прятаться, пока не найдут? И кто найдёт?

— Эти скалы обитаемы? — вопрос сорвался с губ до того, как я успела обдумать его уместность. — В смысле дикие животные тут водятся?

Вместо ответа Голод указал куда-то рукой, и, проследив взглядом за направлением, я чуть не вскрикнула. На одном из камней грелся гигантский паук, одна лапка которого размером со всю меня. К нему со стороны скал, из тени подкрадывалась исполинская многоножка, семеня по камням тысячью синхронно шевелящимися конечностями. Сердце ёкнуло и ухнуло вниз, а все мысли о побеге молниеносно исчезли.

Голод довольно рассмеялся. И заверил:

— Расслабься, мы почти долетели.

Дракон накренился, подняв правое крыло и перенеся вес на левое, повернул, и нам открылся вид на похожее на малахитовое блюдце озеро, в которое прямо из пещеры срывался бурлящий мощный водопад. По воде плавали крупные кувшинки с чудесными цветущими жёлтыми, белыми и розовыми лилиями. Парили птицы, с криками выхватывая серебристую рыбу, плетущуюся в зеркальной неподвижной, словно шёлковой глади. А на берегу раскинулся восхитительный дворец из белого камня с потускневшими розоватыми шпилями. Полуразрушенный, опутанный мхом и диким колючим плющом. Лишь ветер и тени выли в настежь раскрытых окнах. Лестницы и переходы в нескольких местах осыпались.

Сад перед главным входом давно погряз в запустении: дорожки затянулись травой, кусты красных роз хаотично разрослись и увяли, цветы на них высохли и походили на капли застарелой пролитой крови, прекрасные мраморные статуи в виде обнажённых нимф потрескались и выглядели грязными, их лица выражали невыразимую вековую печаль. Дракон пролетел три круга прежде, чем приземлился в саду.

Здесь пахло нетронутой природой, сухой листвой, сырым, измученным ветрами камнем и известью. Некогда полный жизни, процветания и радости сад теперь походил на могилу. Усыпальницу, мавзолей, извечный символ скорби о давно утраченном.

Голод подал мне руку, помогая спуститься с седла. Ноги

потонули в мягкой и влажной зелёной траве. Я посмотрела вниз, ступая осторожно, боясь тех, кто скрывается в этой зелени, но и обломанной кладки дорожки. Не хватало только ногу подвернуть.

— Зачем ты меня сюда привёл?

Ухмылка Всадника прожгла кровь и кожу до самых костей. Он свистнул, и дракон, нетерпеливо мотнув рогатой головой, взмахнул крыльями и унёсся в небо.

Я проводила его растерянным взглядом, физически чувствуя, как меня сковывает беспомощность, а с нею и полная апатия. Руки и ноги онемели, стали тяжёлыми, ватными. Я безвольно опустилась на ближайшую скамью, исподлобья наблюдая за Голодом. Он достал сигарету, на кончике которой тотчас вспыхнул приглушённый огонёк. Его глаза лениво ласкали меня, изучали, просили ответить. Но я упрямо отвернулась, не желая гадать, что всё это означает. Но догадка пощипывала язык, так и просясь быть озвученной:

— Ты сказал, я её тебе напоминаю. Ты думаешь… я… реинкарнация Любви?

Сложно придумать что-то бредовее, но на тот момент меня не смущали и не удивляли даже самые нелепые и безумные идеи.

Голод озадаченно вскинул брови, отчего на лбу пролегли борозды морщин, округлил глаза, а потом громко и искренне рассмеялся, откашливаясь дымом.

— Что? Реинкарнация? Смело, смело. Война бы не обра-

довался.

Он продолжал хохотать, согнувшись пополам, в одной руке держа сигарету поодаль от себя, а другой упираясь в своё полусогнутое колено. Золотые кудри упали ему на скулы.

— Несмешно, — буркнула я, скрестив руки на груди. — У тебя все признаки поведения маньяка, и я не знаю, для каких целей ты привёз меня в заброшенное уединённое место.

Голод ударил себя по груди кулаком, откашлявшись окончательно, выпрямился и снова затянулся.

— Если предпочитала лететь с Войной, так бы и сказала.

Чтобы не послать его взглядом, я опять отвернулась, но Всадник и так понял. Хмыкнул, подошёл ближе, остановился напротив, нависая надо мной дождевой тучей.

— Так чем я на неё похожа? — устало проговорила я, заметив стайку перламутровых птиц, вылетающих из зияющих окон верхних этажей.

Тёплый ветер лизнул плечи, заигрался с прядями волос. Голод мечтательно закатил глаза, улыбнувшись уголком рта, а в противоположном зажав полуистлевшую сигарету. Докурил, выплюнул, растоптал носком сапога и заговорил вкрадчиво.

— Большинство созданий, даже светлых, не говоря уже о тёмных, так или иначе чем-то одержимы… Тем, что их уничтожает, или с помощью чего ими можно манипулировать. Похоть, еда, алкоголь, азартные игры, наркотики, адреналин… Или власть… гордыня… гнев… — его голос зача-

ровывал, отвлекал внимание мягким тембром, я постепенно теряла бдительность, слушая, впитывая каждое новое слово и с нетерпением ожидая следующее.

Голод сделал шаг в сторону, затем ещё один… медленно обошёл меня, крадучись проведя подушечками пальцев по обнажённой коже плеча, встал за спиной. Я вздрогнула, дёрнулась, как ошпаренная, хотела обернуться, но вдруг что-то впереди, за кустами сирени, привлекло внимание. Неуловимое, смутно знакомое.

— В тебе же нет ничего из этого, — добавил Всадник, больше ко мне не прикасаясь. — Поначалу я решил, что ты сломлена или впала в апатию, а то и вовсе мертва внутри, но потом всё же почувствовал… и понял.

Я закрыла глаза, уносимая тёплой убаюкивающей волной его голоса. Голова стала такой тяжёлой, как и веки. Тревоги отступили, мне стало совершенно всё равно, где я, с кем, и угрожает ли мне опасность. Просто захотелось расслабиться, откинуться на спину в уверенности, что там меня подхватят розовые пушистые облака, где заботы и страхи не имеют власти. И ещё почему-то до дрожи в коленях захотелось, чтобы Шэдо был рядом со мной. Смотрел прямо в душу своими колючими синими глазами, сжимал в объятиях крепкими сильными руками…

Да что со мной? Это всё неправильно. Нереально. Я противилась, пытаясь разорвать окруживший розовый туман, проснуться, но не выходило. Наваждение сильнее моей во-

ли… и мысли вновь возвращались к нему.

Я представляла, что лежу на постели, совершенно нагая, сгорающая от стыда и желания. А он нависает надо мной, удерживая своё мускулистое тело на вибрирующих от напряжения вытянутых руках. Смотрит в глаза голодно, одержимо… И целует так, что трепет пробирает.

В самых глубоких и постыдных фантазиях, когда я только начала познавать эту сторону жизни, мне было интересно, каково это… заниматься сексом с ним... Чувствовать в себе его член… Его движения… Силу его страсти… Смотреть в омуты глаз, подёрнутые дымкой возбуждения, и видеть в них своё отражение. Любоваться суровым лицом или наблюдать, как каменная маска растворяется, приоткрывая слабости и искренние эмоции. Несмотря на ненависть и боль.

И прошлая ночь превзошла все мои ожидания. С ним это было по-особенному… Он брал меня… Волнующе и нежно… Но в то же время грубо и страстно… Его тепло, запах, дыхание, взгляд и слова… Как бы я ни отрицала, всё равно жаждала это повторить.

Шумный выдох упал с приоткрывшихся губ, а низ живота наполнился расплавленным свинцом, до боли приятное напряжение, от которого хотелось извиваться, подобно змее на раскаленном камне. Сердце заколотилось, разгоняя кровь, пульсацией бьющей промеж ног. Мне пришлось плотно сжать колени, чтобы сдержать это невыносимое желание… которое никак не принимал и не одобрял мой разум.

Морок схлынул столь же внезапно, как и напал. Я начала приходить в себя, почувствовав, как чьи-то пальцы поглаживают меня по голове, а сладкие и нежные ароматы весны смешиваются с горечью и первыми заморозками ноября.

Я очнулась на руках у Голода, который сидел на траве у статуи в виде атлетичного мраморного Аполлона, а я попросту лежала на его бёдрах, животе и груди, мои же ноги при этом остались на скамье. Платье задралось, оголяя бёдра, и к своему стыду и ужасу я обнаружила, что одной рукой глажу себя между ног сквозь тонкую ткань белья.

— Чёрт! — взвизгнула, тут же вскочив, одёрнула юбки, не зная буквально, куда деть глаза и чем закрыть лицо, чтобы меня никто не видел.

Внутри бурлящим штормом поднималась паника. Хотелось сквозь землю провалиться! Какого чёрта со мной случилось?! Мало того свалилась с лавки, так ещё и…

Но буря вдруг остыла, сменившись выстрелившим осознанием, и я в гневе уставилась на наблюдавшего за мной с интересом Всадника.

— Ты! Зачем ты это сделал? — задыхалась от возмущения, совершенно не представляя, что я делала, пока была не в себе… и что делал Голод, видя это?!

Извращенец! Как он посмел вероломно влезть мне в душу, добраться до самых тёмных и мрачных чертогов, выпотрошить их и вытащить содержимое на всеобщее обозрение?!

Обозвать его помешал инстинкт самосохранения, но, видимо, это слово чётко читалось на моём лице. Голод невозмутимо наклонил голову.

— Здесь нечего стесняться, расслабься. Учись принимать собственные слабости, а не отрицать их.

— Какое тебе дело до меня и моих слабостей?! Я что, единственная во всех мирах… питаю запретное влечение к врагу?! — произнести это вслух непросто, но негодование вылилось за края, переполнив чашу самообладания.

Ещё немного, и у меня истерика начнётся! Прикусила губу, потупив взгляд. Обида сводила скулы, застилала глаза, хотелось сбежать, забиться в самый дальний угол, словно меня поймали на месте преступления.

— Было бы куда проще, будь дело в одном лишь физическом влечении, правда? — проницательно прищурился Голод. — Это редкость…

Он хотел сказать что-то ещё, но передумал, лишь почесал затылок, поднявшись на ноги. Травинки измазали соком его плащ, к сапогам прилипли колючки. Он сорвал с шипастого куста сухую бордовую розу и протянул мне в знак примирения.

— Не злись, я сохраню это в тайне.

Я озадаченно посмотрела на некогда прекрасный и живой цветок, осторожно взяла его, погладила пальцами. Всадник облегчённо вздохнул и протянул мне другую руку.

— Идём, покажу тебе портал, что ведёт отсюда в мой дом.

Если Война тебя замучает, всегда можешь спрятаться здесь. Дворец расположен как раз на границе между его владениями и моими. Но он сюда не придёт, даже войти не сможет.

Глава 2 Стеклянный дом

Город из стекла и камня, полный огней, технологий и суетной разгульной жизни, раскинулся прямоугольной, идеальной с точки зрения геометрии язвой в долине, среди скал, на берегу огромного чистого озера.

Драконы приземлились на возвышенности, царапая когтями крупные камни, а крыльями отправляя мелкие скатываться вниз по склону. Оттуда открывался вид на сливающуюся с горизонтом матовую водную гладь, а с другой стороны на центральные улицы мегаполиса. Дом, выросший прямо из скалы, напоминал квадратную коробку из металла и стекла, непонятно как построенную и на чём держащуюся, словно парящую в воздухе. По крайней мере, бассейн, обложенный глянцевым тёмным кафелем, парил на узкой плоской поверхности прямо над обрывом. Лестница из матового непрозрачного стекла вела на террасы второго и третьего этажа, усаженные декоративными клумбами, меж которыми стояли двухместные диванчики из чёрной кожи с резными деревянными подлокотниками и маленькие кофейные столики, а дальше, ещё выше, вглубь скалы тянулись ступени, выбитые прямо в камне. Крыша была плоская, и некоторые помещения трёх этажей прекрасно просматривались с любой точки двора. А, вероятно, и города, что при более вни-

мательном взгляде казался безлюдным сияющим призраком.

Война уже спешился и ждал остальных, раздражённо смотря в небо.

Шэдо спрыгнул с дракона, приземлившись на стопы полусогнутых пружинистых ног. С дежурной вежливостью подал руку Чуме, и та расплылась в обольстительно-хищной улыбке. Но тут же метнула колкий взгляд в сторону Войны, словно ожидая реакции. Однако не дождалась ответа и тогда спросила до отвращения приторным тоном.

— Переживаешь, что Голод сломает твою куклу? Разве тебя не учили делиться?

В словах под бумажным колпаком с надписью «забота» пряталась издёвка, продиктованная ревностью. Война мимолётно закатил глаза, приподняв уголки губ в подобии улыбки. И обратился к Шэдо, намеренно игнорируя любовницу.

— Санмонс, ты не против разделить эту рабыню ещё и с моим братом?

Чума фыркнула с неподдельным презрением.

— Да что в этой девке такого особенного, что вы все с ней носитесь? Отдайте её мне, у меня закончились светлые, а новое зелье взамен того, что ты забрал, готовить придётся.

Шэдо не успел ничего понять, как Война моментально подлетел к Чуме, сомкнул ладонь на её горле с такой яростью, что бледная кожа Всадницы задымилась.

— Не смей называть меня вором, сколько раз повторять?! — прошипел он, с ледяным извращённым наслаждением на-

блюдая за тем, как лицо женщины искажается от боли, а рот раскрывается в немом крике.

Но она не осталась в долгу, с размаху ударила по щеке острыми ногтями, оставив четыре глубокие борозды, из которых тотчас бусинками выступила кровь. Всадник зарычал, но не отпустил. Шэдо смотрел на них исподлобья с пристальным вниманием и подмечал каждую деталь, слушал и анализировал каждое слово.

Война был готов убить Чуму, задушить голыми руками. Невинная на первый взгляд фраза взбесила его в мгновение, сменяя состояние покоя на полное неистовство. Шэдо мог бы вступиться, если бы в том была выгода. Но выгода, пока что, лишь в обнажённых чувствах и упавших с лиц масках. Если враги сами перебьют друг друга, так даже лучше… И он был готов копать в этом направлении в поисках слабых мест.

Хлопок крыльев в небе отвлёк Войну, и тот поднял голову, чем Чума и воспользовалась: со всей силы пнула его коленом в пах, в довершение проткнув ступню сквозь сапог своей острой шпилькой. Война прикусил язык, скорчившись от боли, и этого хватило, чтобы ослабить нажим. Вырвавшись, Чума оскорблённо поправила волосы и быстро зашагала в дом, царапая стекло лестницы стальными набойками на тонких каблуках. Война выпрямился, сплюнул кровь и усмехнулся.

— Горячая женщина, этого у неё не отнять.

Шэдо никак не прокомментировал, прокручивая в мыс-

лях увиденное. Зелье, Светлые, воровство… Та девчонка, что принесла вино накануне ритуала Смерти, тоже говорила что-то про свет… Надо найти её и допросить.

Чёрный дракон Голода пронёсся над домом и, зацепившись когтями за скалу, скрылся в незаметной с земли пещере. Но ни Всадника, ни Офелис на его спине не было. Война, увидев это, смачно выругался.

— Вот гадёныш.

— В чём дело? — Шэдо приблизился, изобразив недоумение, хотя внутри крепло смутное тяжёлое волнение. — Где Голод?

— Прибудет через портал, Санмонс, — отмахнулся Всадник раздражённо и поманил рукой в сторону входа. — Идём.

Они вместе поднялись по стеклянной лестнице, ведущей в дом. Здесь же располагался бассейн над пропастью, но терраса огибала стены полукругом, и на другой стороне обнаружился ещё и небольшой, но живописный водопад, каскадами ниспадающий в озеро из щели в скале.

Рядом с бассейном стояли три лежака и маленькие приземлённые тумбы. Прямо на камнях зеленели причудливые растения, сочетание дикой природы и цивилизации.

Голод чуть ли не вприпрыжку уже спускался с этажа выше, разведя руки на встречу Войне в таком насмешливо гостеприимном жесте, как будто собирался его обнять.

— Братишка! Сколько оборотов вокруг звезды, сколько лет, сколько зим! Ты совсем не изменился с нашей последней

встречи!

Война шутку не оценил, только рявкнул:

— Ты в своём репертуаре.

Он поднял голову, приметив замершую на балконе выше Офелис, что потрясённо смотрела вдаль, сжимая в напряжённых пальцах высохший алый цветок. Шэдо смотрел на неё дольше необходимого, усилием воли одёрнул себя и отвёл взгляд. Она казалась потерянной, не осознающей, где находится.

Заметив цветок, Война снова упустил остатки выдержки. Ладонью в грудь отодвинул со своего пути брата, взбежал по лестнице, оказавшись рядом с Офелис, грубо схватил её за запястье. Она дёрнулась, очнувшись от кратковременного дурмана, взвизгнула, попыталась убежать, но Всадник вывернул ей руку, вынуждая пискнуть от боли и выронить рассыпавшиеся в труху от нажима бордовые лепестки. Только после этого отпустил, свирепо оттолкнул, что она упала на край близстоящего дивана, с остервенением плюнул и наступил на остатки цветка, растерев их по кафелю сапогом.

Голод наблюдал за этим с многозначительной лёгкой улыбкой и сигаретой в зубах.

— В моём присутствии ты чересчур подвержен слабостям, брат, — безмятежно, почти блаженно, заключил он, на что Война посоветовал ему заткнуться.

Выдохнул, оправил низ дублета. Подошёл к Офелис и резко поднял её, схватив за локоть так, что пальцы оставили си-

няки. Она вся сжалась, упрямо глядя в пол, стискивая зубы от омерзения. Лишь на секунду встретилась взглядом с Шэдо, словно искала поддержки, которую он не мог дать. Война зацепился за этот мимолётный контакт, проследил, словно ловя в воздухе неосязаемую и полупрозрачную связующую ниточку. Откровенно обнял Офелис за талию, притянул к себе, пальцами второй руки небрежно отодвинув упавшие на ключицы волосы за плечо. И сказал так, чтобы Шэдо уж точно услышал.

— Тебе хорошо с нашим гостем, дорогая? Не желаешь вернуться к истинному хозяину?

Снова колкий, пытливый взгляд в глаза Санмонса, но его ждало разочарование. Ни единый мускул на лице Шэдо не дрогнул, ни один проблеск во тьме зрачков не выдал малейшей реакции. Совершенное безразличие — его оружие и броня для Офелис. Самоконтроль. Он и так невпопад сорвался, подарив Всаднику преимущество. Сейчас нужно сдержаться. Но Война не сдавался, продолжая спектакль, наклонился к ней, почти целуя в шею, и горячо, интимно выдохнул:

— Сегодня ты мне поможешь. Идём, мне нужно подготовиться к приёму.

Поднял голову и уточнил с интересом и некоторым недоумением у наблюдающего за ними Голода.

— Ты ведь дашь банкет в честь прибытия гостей?

Второй Всадник невозмутимо пожал плечами.

— Конечно, иначе и быть не могло.

Война удовлетворённо кивнул и направился в сторону каменных ступеней, уводя за собой упирающуюся Офелис. Она снова обернулась, посмотрела на Шэдо. Нижняя губа дрожала, сдерживая накатывающую панику и подступающие рыдания. Блестящие глаза кричали громче любых слов и звуков: пожалуйста, не отдавай меня! Вмешайся! Сделай хоть что-то!

Санмонс, сжав челюсти до тупой боли, решительно сделал шаг вперёд и окликнул Всадника:

— Подарки обратно не забирают, Война.

Третий с едкой ухмылкой оглянулся через плечо.

— Не волнуйся, я поиграю и верну в целости.

Его улыбка резала острее ножа.

— Если ты к ней прикоснёшься, нам будет не о чем разговаривать, поэтому не переигрывай.

Всадник не ответил, даже не обернулся, но в лице Офелис отразилась новая надежда.

«Не бойся, он блефует», —ответным взором подбодрил Шэдо и разорвал, разбил мгновение, отвернувшись первым, и сделал вид, что любуется видами, хотя те сразу встали поперек горла острой рыбьей костью. Применённая сила результата не дала, значит, успех Всадников целиком зависит от лояльности к ним Шэдо. Война тоже это знал, потому, как надеялся Санмонс, черту не перейдёт, просто провоцирует. А Офелис потом расскажет, о чём он говорил с ней.

Голод переключил внимание на гостя, но не сразу заговорил, только характерным жестом предложил угоститься сигаретой, на что Шэдо покачал головой.

— Пьёны покажут тебе комнату. У меня не так просторно, как в замке Смерти, поэтому…

— Я неприхотлив, — отозвался Шэдо, на что Всадник коротко кивнул. Подошёл, облокотился на перила, рассматривая гостя с хитрым прищуром.

Санмонс ответил прямым взглядом, раздумывая над тем, чего ожидать от Голода, может ли тот быть полезен, и насколько опасен. Он как будто ждал, что Шэдо заговорит с ним. Наместник чуть приподнял бровь и кивнул в сторону улиц.

— В этом городе кто-то живёт? В… мирное время.

Голод улыбнулся, польщённый заинтересованностью, наклонился, опустив на перила локти, поднёс сигарету ко рту и тут же выпустил тонкую струйку горького дыма.

— Да… Мои друзья, приспешники, слуги. Жители разных миров, пожелавшие жить здесь. Многие из них признали меня своим богом.

Шэдо это позабавило, он скептически скосил взгляд на Всадника.

— Изгнанники, отринувшие своих создателей.

Голод со смешком выдохнул ещё три кольца дыма, небрежно откинув волосы, упавшие на лоб.

— Если судить глобально, то их Создатели живут в нашем

мире. Ну а там уже кому кто предпочтительнее. Мы всегда были открыты к переселенцам. Многие бежали от своих Наместников… где им ещё искать защиты?

— Обитель отчаявшихся… и при этом знающих о вашем существовании, — подытожил Санмонс, и Всадник беззаботно кивнул.

— Мы ж не палачи какие-то, и в нашем мире законы Наместников теряют силу…

Шэдо вспомнил сцену в гостиной с Тёмными и многозначительно поджал губы.

— Город, где каждый житель — заложник собственных слабостей…

Голод повернул голову, сделав медленный глубокий затяг, и дым обильно вышел обратно через ноздри.

— Слабости есть абсолютно у всех, — с довольной улыбкой сытого кота доложил он. — Но далеко не все им подвержены. Кто-то ими даже наслаждается… А кто-то и вовсе превращает их в силу.

Голод подмигнул Санмонсу и выпрямился, словно спохватился, выбросил сигарету в пропасть. Кашлянул.

— Мне пора готовиться к приёму. Добро пожаловать, Шэдо, у нас ещё будет возможность поболтать.

***

Война тащил меня за собой, впиваясь в самые кости на за-

пястье своими твёрдыми пальцами, по бесконечным шершавым ступенькам куда-то вверх, выше и глубже в недра скалы, из которой произрастал дом. Я падала, обдирала колени в кровь, сбивала ногти на ногах, но Всадник не давал даже толком подняться, рывком дёргал и угрожал вырвать руку, если и дальше буду плестись. Пахло сыростью и мхом. Воздух в пещере, выделанной под просторный коридор, всё равно оставался спёртым и затхлым. Кое-где по стенам прозрачным полотном струилась вода, стекая в едва заметный желоб в полу.

Всадник приволок меня в спальню. Кажется, мы прошли скалу насквозь, потому что здесь панорамные окна, больше похожие на стеклянную стену, открывали вид на озеро. То ли самое, что омывало сад Любви на противоположном берегу?

Комната мрачная, но по-своему стильная — вся в тёмных тонах. Потолок и часть стен украшали натуральный и фактурный камень, словно когда-то с вершины скалы стекали потоки лавы, что навек застыли. Огромная кровать, устеленная шёлковыми покрывалами цвета вороньего крыла, казалась вдвое больше из-за зеркал в изголовье. Из-за них же всё помещение казалось просторнее, чем есть на самом деле. По другую сторону от кровати — стеклянная ширма, за которой стояла миниатюрная и изящная ванна из литого мрамора, а прямо за ней вдоль стены шумел водопад, срываясь в пустоту за отсутствующим полом.

Захлопнув за нами дверь из матового закалённого стекла,

Война буквально швырнул меня на пол. Больно ударившись бедром, я тут же отползла к стене, поджав под себя ноги и проклиная его взглядом.

Ненавидеть — сложно, а не делать этого — легко? Чушь.

Я понимала, что только питаю ублюдка своей злостью, но в его присутствии ненависть сама сочилась густым чёрным дымом прямо из крови, наполняла воздух и лёгкие, мешала дышать и мыслить.

Всадник, словно не замечал меня больше. Он прошёлся по комнате, как командир перед ротой солдат, чёткими, выверенными и тяжёлыми шагами. Осмотрел каждый предмет мебели с высокомерной брезгливостью, будто каждый угол напоминал ему о чём-то дурном, размял плечи и, наконец, обернулся. Скользнул по мне липким пробирающим до костей взглядом, ухмыльнулся, сделал шаг, и я инстинктивно отшатнулась, стукнувшись затылком о шершавый камень.

— М-м-м, — не вскрикнула, хоть от удара и потемнело в глазах, а затылку стало холодно и влажно.

— Неужели я такой страшный? — со слащавой улыбкой маньяка спросил Война, наклонив голову.

Я не ответила, лишь сглотнула, даже не представляя, что он станет со мной делать. Страх истерично колотился в висках, сердце загнанной птицей билось о рёбра.

Не дождавшись, Всадник приблизился вплотную, поднял меня, сомкнув широкую ладонь в волосах, и я жалко, протестующе зашипела, скованная ужасом, оцепеневшая… А он

плотоядно, с пугающей серьезностью изучал глазами моё лицо. Лоб, скулы, глаза, губы… Внимание, как ручейки кипятка, обжигающее до острой боли и отвращения. Второй рукой Война обхватил мою нижнюю челюсть, проведя подушечкой большого пальца по настырно сомкнутым губам. Я дёрнулась, поджала их, не давая ему протолкнуть палец. Паника накатывала на веки, грозя вот-вот выплеснуться слезами отчаянья.

— Мне надоели твои писки, — он раздражённо дёрнул уголком рта. — Либо ты слушаешься и становишься хорошей девочкой, либо…

— Не трогай меня! — злость прорвала ледяную плотину страха, выплеснувшись визгом ему в лицо, но он только посмеялся.

Снова ударил меня о камень, что глаза заволокла мутная красноватая дымка. Его ладонь скользнула по шее вниз, пальцы зацепили лиф платья и с треском рванули, обнажая грудь. Руками я попыталась прикрыться, но Война грубо отбросил их, любуясь открывшимся видом. Сжал пальцами соски до тягучей боли, и они тут же набухли.

— Интересно, что скажет санмонс, если я заставлю тебя при нём мне отсосать? Будет стоять с постным лицом и молчать? Хватит ли его выдержки?

Как же его, должно быть, взбесили слова Шэдо, брошенные в спину.

И в этот момент что-то щёлкнуло в мозгу, переключилось

на режим борьбы, разгоняя и игнорируя страх. Как взбешённая кошка, я вцепилась в его насмешливые блёклые глаза ногтями, норовя выцарапать, разодрать всё лицо с диким яростным криком. Никто мне не поможет! Никто меня не спасёт! Но и я сама не позволю этому уроду над собой надругаться!

Но Война был сильнее, он ловко увернулся от атаки, приятно удивлённый моим порывом. Вывернулся, заломил мне руку. Боль отрезвила, но лишь на миг. Я брыкалась, пробовала кусаться, но без толку. С ужасом поняла, что он целиком сорвал моё платье, прижал к себе, шепча что-то на ухо и посмеиваясь.

— Ах, ты вредная сучка! Сейчас узнаешь настоящего мужчину.

Мимолётными касаниями тел я ощущала напряжение в его штанах, и ноги подкашивались от беспомощности.

Нет! Не трогай.

Война повалил меня на кровать животом вниз, надавил на затылок, вдавливая лицом в подушку. Я не могла кричать, только бессильно мычать, стараясь лягнуть его в живот, но Всадник придавил мои бёдра своими, зафиксировав в одном положении. Его холодные пальцы раздвинули мои ягодицы, прошлись между ними по тонкой полоске ткани белья, и я приготовилась к боли, хныкая от унижения.

Бесполезно умолять его или взывать к моей полезности. Он всё равно сделает это… Если до этого лишь играл, про-

сто издевался, пугал и провоцировал, то сейчас… Да и что мешает ему пользоваться мной и манипулировать Шэдо одновременно? И всё же что ещё мне оставалось?

Я услышала шуршание верёвок бридж, почувствовала горячую головку члена, упирающуюся в меня… стиснула зубы, всеми силами попытавшись расслабиться и представить… кого-то другого… Нежного… желанного… нет!

— Стой! — отчаянно и сдавленно закричала, попытавшись поднять или повернуть голову, чтобы шёлковая подушка не мешала. — Не надо! Если Шэдо узнает, что ты меня взял, он от меня откажется, и твои планы полетят в чёрную дыру… На него нечем будет давить, — задыхаясь от бешено стучащего сердца, я несла всё, что в голову придёт, но оно, к счастью, было убедительным. Война помедлил, нахмурился, переводя алчный взгляд то на моё лицо, то вниз, туда, куда упирался членом.

— Как мило, — оскалился он. — Вот только мне кажется, что ему важна исключительно твоя жизнь, а уж кто там тебя трахал — дело десятое. Не строй из себя девственницу!

Но было видно, что он засомневался. Это чудовище, возомнившее себя высшим существом, ещё было способно думать! И сумело обуздать свои животные инстинкты.

Смочив слюной пересохшие губы, я постаралась говорить твёрдо и уверенно, насколько это возможно.

— Шэдо собственник и эгоист, не потерпит задетого достоинства. А он узнает, ведь я ему расскажу! И если меня

обмарают чужие руки, я стану не нужна. Он и так жаждет избавиться от рычага давления на себя и воспользуется поводом, никогда не станет вам помогать…

Я сама понимала, что переоцениваю собственную значимость в игре двух мужчин. Мы оба знали, что дело не столько в личной привязанности Санмонса ко мне, сколько в том, что я — Наместница — и нужна Шэдо лишь для сохранности мира. При этом моё моральное состояние и честь не учитываются. Оставалось молиться, что Война ставил на другое — далёкое от прагматизма и плохо ему понятное.

Подействовало, как ушат ледяной воды. Всадник вдруг отстал. Тяжело дышал, в глазах плескалось безумие и горел неистовый огонь садистского вожделения. Но отпустил, пихнул на кровать, а сам слез на пол, оправив штаны и выругавшись.

— И точно, Санмонс же у нас гордый и обидчивый, — он как будто рассуждал вслух, цокнул языком и рассмеялся. — Ох, уж это чувство собственности. Мужчина не должен быть таким гордым.

Я перекатилась на другой край, подняла обрывки платья, еле как прикрывая себя, лихорадочно соображала, что ещё сказать, и надо ли.

«Что ты вообще знаешь о мужчинах и гордости?..»

Всадник фыркнул и снял рубашку, бросив ту на пол.

— Приготовь мне ванну, рабыня. Сегодня у нас приём.

Война лежал в ванне, расположившись поудобнее, хотя я

задавалась вопросами, как он туда влез. Да попросту никак. Ноги ниже колен и руки свисали с бортов, вода при всей наполненности едва скрывала покрытую бесчисленными шрамами грудь. Этот гад был целиком рыжим: даже прямые и жесткие волосы в паху и редкие длинные на ногах были того же оттенка, что на голове. Война откинул голову на предназначенный для того гладкий изгиб ванной, и лицо его выглядело умиротворенным. Как у мертвеца.

Я всей душой желала, чтобы он обрёл вечный покой, пока в обрывках одежды и закованная в цепи по рукам и ногам натирала мочалкой его грудь и спину, не зная, куда деть глаза. А он всё ухмылялся, со зверским прищуром следя за моими эмоциями, впитывая их, насыщаясь. Его член напрягался, стоило моим рукам, до побелевших костяшек пальцев сжимающих проклятую мочалку, приблизиться к пупку, чтобы резко подняться обратно, и так по кругу, пока он не сказал долгожданное: достаточно.

С тех пор я просто сидела около, неспособная толком двигаться. Кандалы впивались в шею, стирали щиколотки и запястья в кровь, но я хотя бы на секунду могла отвлечься мысленно от своего положения. Думала о словах Голода и Любви. Что с ней стало после смерти? Куда вообще деваются такие как они? Не тёмные и не светлые… не создания Царицы или Властелина… Рассеиваются в пространстве или просто исчезают… Вот бы и Войну постигла та же самая участь! Да и зачем Голод показал мне её дворец? Чтобы пряталась

от Войны, как же! Издевался что ли! Надо было тогда там и остаться, а не ждать, пока сцапают.

Водопад умиротворял одним своим видом, срываясь пенными брызгами прямо в озеро в недрах скалы, проходя через все этажи дома Голода. Между ним и ванной стояла лишь тонкая стеклянная перегородка, выложенная глянцевой мозаикой, как и пол.

— Раз мы теперь снова вместе, хотел спросить тебя о Санмонсе, — подал голос Война, разбивая мои попытки отгородиться от него хотя бы мысленно.

Голос звучал требовательно и по-кошачьи вкрадчиво. — Ты не замечала никаких странностей в его поведении? Быть может, его мучают видения… кошмары… Или он плохо спит?

«К чему он клонит?»

Напряжение степенными холодными касаниями сковало суставы один за одним, пока не добралось до сердца, окутав его колючей проволокой, покрытой изморосью.

«Что ещё за чушь? Как спит Шэдо? Да я вообще почти ни разу не видела, чтобы он спал, за исключением…»

Шэдо… чёрт, зачем он меня поцеловал?

Я упрямо отмолчалась. Но Война продолжал спрашивать, не открывая глаз.

— Делился ли он с тобой чем-то интересным? О чём-то же вы разговаривали, верно?

Снова молчание, и тогда он схватился за поводок, что всё

это время плавал в воде неподалеку от его бедра, и дёрнул так, что стальной ошейник чуть не перерезал мне горло, настолько сильно впился в кожу. Я повисла над ванной, почти соприкасаясь своей грудью со Всадником. Он открыл глаза и злобно посмотрел в мои.

— Отвечай!

— Нет! — выдала я, из последних сил упираясь руками в борта. — Что тут отвечать? Ничего я не замечала, да и он редко делится своими мыслями. Он не дурак и прекрасно знает, что ты станешь допытываться, потому не доверяет.

Война поднял уголок рта, изобразив на лице жалостливую гримасу.

— У тебя даже не хватило мозгов использовать свою силу Наместницы, чтобы быть мне полезной и избежать наказания?

— Он намного сильнее меня! Я мысли читать не умею.

Всадник разочарованно хмыкнул и отпустил поводок, и я рухнула к основанию ванны, ударившись локтем, и по всей руке прокатился электрический заряд. Но не вскрикнула, удержалась.

— Тогда ты просто бесполезная, никчёмная самка, способная только удовлетворять мужские потребности, — заключил Война, метнув в меня полный отвращения и брезгливости взгляд. — Хотя и это под вопросом… Радуйся, что пока что необходима. Как только что-то изменится, о быстрой смерти можешь не мечтать.

«И ты тоже», — мысленно огрызнулась я, хотя по коже побежали мурашки страха.

Война поднялся, позволяя мыльной воде стечь с себя обильными ручьями, затем приказал.

— Подай полотенце и вытри меня. Скоро мне придётся посетить банкет, а ты пойдешь со мной.

***

Шэдо был зол, даже взбешён, но сосредоточен. Не позволял эмоциям накрыть с головой, взять верх над трезвостью ума. Раз за разом прокручивал в мыслях ссору Войны и Чумы, ярость Всадника, направленную на женщину. И зелье… Что за зелье? Чума забрала всех пленённых светлых, сказав, что ей они пригодятся… Она что-то готовит из их крови или энергии? И Война это украл. Всё бы ничего, да странная девчонка принесла Шэдо вино накануне ритуала…

Он потёр виски пальцами, чувствуя, как шевелятся волосы на голове, а мысли мечутся внутри черепа из стороны в сторону.

И то видение… Война был на стороне Царицы… возможно ли?

Шорох за спиной отвлёк внимание, но и переключил его. Шэдо обернулся, но комната, любезно выделенная ему Голодом, была пуста. И никакой посторонней энергии. Но он всё равно напрягся, сжал кулаки, уносясь размышлениями

от основной темы, невольно переключаясь на другую: более личную.

Офелис. Куда увозил её Голод… этот Всадник был не изучен, а потому непонятен. Что ему нужно? В чём его мотивы… Шэдо решил отложить на дальнюю полку Голода, но всё равно не упускать его из виду. Куда важнее Война… Смерть, наверняка, рассказала ему про очевидную слабость их гостя, поэтому Третий и демонстративно забрал Офелис с собой.

Шэдо стиснул зубы так, что заиграли желваки. Закрыл глаза, медленно выдохнул, опустился на широкую заправленную постель. Что-то рвало его изнутри, лихорадочно билось в груди, создавая вихрь ледяного ветра. Этому «чему-то» были отвратительны варианты того, что Всадник способен сделать с ней… Не убить, нет. Козырь так легко из партии не выйдет, пока он не исполнит их желания, по крайней мере… А, значит, не о чем беспокоиться…

Шэдо обнаружил себя замершим посреди спальни, измеряющим периметр шагами.

— Чёрт, — выругался он. Сжал и разжал кулак, поморщился.

Бессилие. Мощное, ломающее изнутри прочные стены.

А если он ошибается? Что, если она сейчас страдает в руках другого? А санмонс ничем не может помочь… Или всё-таки может? Да, он хотел её… да, он её получил, утолил свою жажду… Но этого оказалось мало.

«Идиот».

Паук запутался в собственной паутине, а хитрец обманул сам себя.

«Будешь защищать, если Война меня заберёт?», — сладкоголосым пением прозвучал в памяти голос Офелис.

«Если будешь послушной», — так он тогда ответил. Выходит, не сдержал слово?

К ледяному пламени под рёбрами, опаляющему грудную клетку, добавилось ещё и острое чувство вины… Офелис вторглась в его идеально-выстроенный, чёткий, педантичный и расставленный по полочкам, пронизанный математическими формулами мир и навела в нём хаос, руша все планы. Защита жизни ей обеспечена, в остальном же… Ей приходилось спасаться самой. Но почему, чёрт возьми?! Сейчас, когда весы сил качнулись в сторону Шэдо, он ведь мог не скрывать своих желаний?

Нет… Пусть лучше думают, что дело в выгоде. Чувствами манипулировать легче… Хотя кого он обманывает? Смерть сразу его раскусила!

Офелис – крючок, на который его поймали. Без неё Шэдо станет свободным, Всадникам нечем будет на него давить. Казалось бы, что может быть желаннее, чем свобода и независимость?.. Чем возможность самому диктовать условия?

Очередной шорох заставил Шэдо напрячься и целиком обратиться в ощущения. На этот раз он уловил обращённый в спину чей-то взгляд, дерзкий и внимательный. Не подал вида, выжидая лучшего момента для броска, и, наконец, от-

реагировал. Молниеносным выработанным движением.

Крепкая ладонь сомкнулась на тонком девичьим горле, вырывая у незваной гости удивлённый хрип. Шэдо сразу узнал её: та же девчонка, что приносила ему вино в замке Смерти. Маленькая, хрупкая, но недостаточно испуганная, скорее, застанная врасплох. Она хлопала огромными глазами, хватая воздух ртом, словно выброшенная на берег рыба. Какое совпадение. Он собирался найти её через Левиафана, но она явилась сама.

— Г-г-г-господин, не нужно, — прохрипела, открыто встречая его мрачный требовательный взгляд, хранящий скрытую угрозу.

Если шпионила за ним для Всадников, то умрёт на месте. Все, кто бесил Шэдо, в прошлом умывались кровью. Он не терпел нечестных игр против себя.

— Кто ты такая и зачем следишь за мной? — бескомпромиссно спросил, сильнее надавив на гортань, перекрывая воздух.

Девчонка не сопротивлялась, несмотря на то, что пальцы ног едва доставали до пола, и она фактически висела на его руке. Шэдо ждал слёз или раболепия, того, что презирал. Но смутьянка держалась стойко.

— Я расскажу, господин, только отпустите.

Санмонс расслабил пальцы, и она едва не рухнула к его ногам. Размяла шею, тронула покрасневшее горло, откашлялась, глянув на него снизу вверх.

Шэдо изогнул левую бровь, демонстрируя, что теряет терпение. Один рывок, и он вырвет её сердце прямо из груди и выбросит тело с балкона в озеро. У него в этом мире нет союзников… только враги… те, кого привык уничтожать ради собственного выживания.

— Меня зовут Латри… — начала она издалека, но Санмонс тут же оборвал:

— Мне плевать на твоё имя. Что тебе нужно здесь? Зачем следишь, и как вообще оказалась в моей спальне? И я бы на твоём месте отвечал честно.

Он никогда не бросал пустых угроз: убьёт и бровью не поведёт.

— Я пронырливая, на родном языке моё имя означает: «мышка». Именно поэтому Война и подослал меня к Вам с тем вином. В нём было зелье, которое простимулировало врождённый свет, и этим Вас спасло.

Шэдо вскинул брови, но тут же скрыл свою озадаченность за привычной каменной маской. Холодный и безразличный, но при этом чуть ли не потрясённый. Охваченный подозрениями. Он ожидал всякого, но только не такого.

Война действительно приложил руку к его спасению?..

Чушь, произнесённая, чтобы спасти свою шкуру? Или… внезапно подкинутый в колоду Туз?

Но девчонке стоило отдать должное: она сумела заинтересовать с первой же фразы, вызвать смятение, заставить задуматься.

— Помните, я говорила, что в Вас есть и свет? — улыбнулась она совершенно искренне, подкупающе. — Я рада, что Вы живы…

Шэдо не стал скрывать своего скептицизма.

— Откуда знаешь, что в том вине было зелье, а не что-то иное? — он прищурился, но девчонка не медлила с ответом.

— Видела, господин, как он подливает что-то искрящееся из лабораторной пробирки, потом услышала, что у Чумы пропало, ну и сопоставила.

— Хм-м, — он улыбнулся, обнажая зубы, но глаза оставались серьёзными. — И ты пришла, чтобы рассказать об этом мне? Кто ты вообще такая? И зачем тебе это?

Она чуть склонила голову, чёрно-фиолетовые волосы густыми локонами осыпали лоб.

— Я — одна из его рабынь, но не хочу ею быть. Прошу, заберите меня к себе, как забрали Офелис, — в её звонком голосе звучала мольба. Головы она не поднимала, став кроткой, как овечка. — Война Вам уступит, господин, а взамен я могу быть очень полезна.

Глава 3 Город Обмана

Шэдо прищурился, оглядев стоящую перед ним девчонку с плохо скрываемым отвращением, приподняв левую бровь и опустив правый уголок рта. Но в то же время сканировал глазами, размышляя, перебирал плюсы и минусы, и, наконец, небрежно бросил:

— Думаешь, я поверю той, кто по приказу Войны опоил

меня какой-то дрянью? — слова, сказанные со сталью в интонации, источали явное презрение. — Думаешь, не понял, что он способен подослать тебя ко мне? — он раздраженно кивнул на дверь и приказал:

— Убирайся, — хлёсткий удар металлическим жгутом в воздухе. — Иначе отправлю Войне тебя частями.

Латри вскинула голову, осмелившись посмотреть ему в лицо. Захлопала ресницами в недоумении, но в глубине зрачков сверкнул вызов, непринятие, тотальное упрямство. Губы чуть задрожали, но умело скрыла, заговорив со спокойным достоинством и опустив плечи.

— Разве Война обрадовался бы, узнав то, что я Вам рассказала? Выдала его тайну. Разве это не подтверждает мою позицию…

Шэдо отвернулся, прошёл к постели, насмешливо оскалившись. Дерзости ей не занимать. Но дерзости недостаточно для доверия.

— Ты ничего особенного не сказала, лишь подтвердила мои догадки, — он сел, широко расставив ноги и оперевшись ладонями на покрывало. Смотрел на неё, не сдвинувшуюся с места, мрачно, исподлобья, силясь понять, какую игру ведёт эта девчонка, считающая себя умнее и наблюдательнее, чем является на самом деле. Она выдержала укол, вновь опустив голову, сжимая зубы. Упорная — это хорошее качество. Может, она и пригодится в качестве расходного материала в одной из опасных игр.

— Что бы ты ни имела в виду под заверениями «буду полезна», тебе придётся доказать мне, что это так.

Шэдо мог поклясться, что за шкирку оттащит её к Войне, если она сейчас попытается предложить ему своё тело в обмен на покровительство. Дешевый женский трюк. Девчонка скользнула по его лицу, плечам и рукам мимолётным взглядом, словно не была уверена, что правильно поняла подтекст. Но всё же уловила. Но ни похоти, ни слащавого поддельного интереса Санмонс не заметил. Напротив, она как будто опасалась, что он потребует от неё чего-то предосудительного. Рабыня Войны… хочет стать рабыней Шэдо? Звучит и правда двусмысленно.

— Что я должна сделать, чтобы убедить? — осторожно и вкрадчиво спросила она, вцепившись взором в непроницаемо каменное лицо Санмонса. Он долго смотрел в ответ, дожидаясь, когда сломается и отвернётся в испуге, но девчонка по имени Латри терпеливо ждала.

— Ты должна доказать, что не на стороне всадников.

Латри гордо вздёрнула подбородок, перед этим кивнув самой себе, и широко облегченно улыбнулась, подняв ладони в сдающимся жесте.

— Я докажу, господин, и когда доказательств наберётся достаточно, Вы легко меня отыщите. А пока… — она замялась, кусая губы, словно не решаясь говорить, но всё же добавила: — Будьте осторожны на приёме, тёмные охвачены волнением.

Шэдо с подозрением наклонил голову, пронзая её тяжелым взглядом, провожая им до самой двери, куда Латри зашагала так быстро, что едва не срывалась на бег. Она прошмыгнула в коридор, не прощаясь.

И он только тогда выдохнул, расслабил плечи, снова подумав об Офелис.

Что с ней сейчас? Что этот ублюдок с ней делает?

Шэдо прикрыл веки, в бессильной злобе сжав челюсти и кулаки. Перед глазами всплывали образы… мерзкие, похабные, жестокие. От которых кровь стыла в жилах, воспламеняясь диким огнём бесконтрольной всепоглощающей ярости. И от собственного бессилия немели скулы. И бесполезно рассудку повторять бесконечные проповеди о безопасности и выживании. Одна лишь мысль, что Война владеет ею, сжимая в своих руках и придавливая к постели, причиняла душную, колючую, надсадную и тупую тяжесть в грудной клетке.

Санмонс сумел взять себя в руки, поджал губы, остужая усилием воли разбушевавшийся шторм. У него есть проблемы и важнее, нельзя поддаваться слабости и идти на поводу у эмоций, ведь это путь в могилу.

Весьма логично, что, отобрав одну игрушку, Война сразу же подкинул другую. Но если Офелис точно не заодно с ним, ещё не настолько запугана и способна на протест, то эта Латри — дело иное, хотя и довольно убедительна.

Девочка, которая хочет выжить? Но откуда ей знать, что «новый хозяин» не окажется хуже прежнего?

За дверью заскреблись. Пьёны принесли чистую одежду. Шэдо размял шею, поморщился. Он почти привык к этим вычурным, но в то же время совершенно простым нарядам.

Война поспособствовал его спасению, тем самым разрушив план Смерти и усложнив общую задачу Всадников. В прошлом он любил Царицу, но значит ли это… что Третий до сих пор с ней заодно?

Нужно найти Левиафана, но в царстве Голода это сложнее: тёмные рассеяны по всему городу, не по дому. Но они, наверняка, будут на приёме.

Ополоснувшись в душе, что представлял собой стеклянный вертикальный параллелепипед, висящий в воздухе над озером, и одевшись, он вышел из комнаты, желая изучить дом. Не пленник, его не запирали.

«Гулять по новой тюрьме не запрещено», — Шэдо сам усмехнулся от иронии. Дом не был большим в сравнении с замком Смерти или даже особняком Войны. Воздушный, просторный, выстроенный из камня, стекла и зелени. Пустой. Ни души, ни звука. Тишина казалась бархатной, мягкой и уютной, но в то же время удушающей. Как будто запутался в одеяле и остро ощущаешь нехватку кислорода. Санмонс смотрел в каждое окно, вглядывался то в матовую гладь озера, то в огни замершего в вечности города. Старался прислушаться к звукам за каждой дверью. На втором этаже обнаружил гостиную с длинным диваном из чёрной блестящей кожи, что, словно змея, огибал пространство. На стене, де-

корированной живым разросшимся виноградом, чьи сочные спелые ягоды насыщенного фиолетового цвета, лопались, капая на тёмный кафель красным соком, висел уже знакомый Шэдо семейный портрет.

Приблизился, слыша звук своих решительных шагов, поднял подбородок, скользнул небрежным взглядом по Всадникам и сосредоточил пристальное внимание на красивом, источающим власть и гордость лице Царицы. Он прищурился, настырно прожигая чёрные бездны её глаз своими, ничуть не боясь получить отпор. Смотрел в лицо врага, готовый противостоять ответной атаке.

Она уже пыталась убить его около портрета. Сейчас Шэдо тоже наедине с картиной, и ничто не помешает Монрейн попытаться навредить ему. Но с другой стороны: это, всего лишь, картина. Не живая Тьма во плоти, не даже её отголосок… изображение. Смерть сказала, что она будет пытаться поймать свою добычу. Всадники Шэдо не защитят. А ему что? Ходить и оглядываться? Бояться каждого шороха? Чёрта с два. Страхи в нём давно умерли. Рисковал, сам знал это, но другого выхода не было. Должен попробовать. Сделать первый шаг, попытаться. Его никто не собирался инструктировать на случай, если Царица найдётся, приходилось действовать наугад, самому пробивать путь. И чем раньше цель будет достигнута, тем… ближе свобода?

Лёгкий ледяной сквозняк едва заметно тронул пряди ниспадающей на правый висок чёлки. Шэдо стиснул зубы, сжал

кулаки так, что на предплечьях вздулись синие змеи вен, что стремительно наливались цветом копоти и пепла, наполнялись силой, которая нагло взывала к своему источнику.

— Ну же, госпожа… Я весь в твоей власти, — его губы исказились в жестокой усмешке. Шэдо целиком сосредоточился на ощущениях, готовый к любому выпаду. Но не верил до конца, что получит ответ на свою провокацию. Играл, как малолетний ребёнок с огнедышащим драконом. Слишком просто. Но Монрейн всё же ответила.

Поток невидимой мощной энергии копьём вонзился в грудь Шэдо, оборвал его дыхание. Вдох. А выдохнуть уже не получилось. Ядовитая голодная тьма расползалась по телу, растекалась по крови, бурлила в ней. Санмонс зарычал сквозь до боли сжатые зубы, стараясь вытолкнуть из себя эту разрушительную мощь, упрямо продолжая смотреть в лицо Царице, и в какой-то миг ему почудилось, что её нарисованные кистью мастера губы дёрнулись в ухмылке, а в непостижимой глубине зрачков вспыхнул живой отблеск.

Агония нарастала, давила, рвала и терзала каждую мышцу и нервное окончание. Шэдо лихорадило, кожа покрылась испариной и ознобом… ему стало холодно, так тоскливо и холодно, как бывало в детстве. Всеми покинутый. Один. В темноте. Чудовище, презираемое родным миром. Он задрожал, широко распахнув глаза, не поддавался, терпел, накапливая собственные силы для ответного рывка. Царица, словно рылась в его сознании, грубо перебирала воспоминания,

варварски расшвыривала их. Крик боли и ненависти рвался из глотки, но натыкался на плотно-сжатые зубы. Напряжение росло, росло и росло, пока вдруг не достигло пика.

— Убей меня! — на голову обрушился звучный и низкий, полный мольбы и отчаянья голос. Смутно знакомый, но в то же время далёкий, искаженный и фонящий. Идущий отовсюду разом, нападающий стаей галдящих ворон, но в то же время извержением вулкана поднимающийся из глубин сознания. — Убей, умоляю!

Шэдо чувствовал, как по его лбу стекают ручейки пота, что он вот-вот потеряет сознание. Перед глазами замаячили образы, пронеслись скоростным поездом в россыпи грохота и искр, что он не успел ничего понять, а потом всё прекратилось. Резко. Внезапно. Часто заморгав, он попятился назад, упал на диван, пытаясь отдышаться, откинул голову на мягкую и спасительно прохладную спинку и приоткрыл рот. Сердце таранило рёбра, неистово налетая вновь и вновь. Верхняя пуговица рубашки впилась в шею, оставляя вдавленный розовый полукруг, удушая. Шэдо резким рывком дёрнул воротник, вырвав её, и та звонкими прыжками покатилась по отполированному гладкому полу.

Дзынь, дздынь, дзыынь.

Набатом по ушам. Санмонс поморщился, дёрнул щекой, постепенно приходя в чувства. Медленно открыл глаза и увидел перед собой прожженную дыру в картине на том месте, где только что ему улыбалась Монрейн. Ровный, словно

вырезанный циркулем круг, за которым по обратной стороне стекла нескончаемым живым полотном текла вода.

Шэдо выпрямился, удивлённо проморгался, тихо выругался.

Что это было? Послание? Воспоминание? Видение будущего? Или Царица просто издевалась, извращая его мысли?

Он чувствовал себя грязным, измученным и уставшим. Решил найти хоть кого-то, чтобы сообщить о повреждении портрета, но особняк как будто вымер. Только на третьем этаже Санмонс заметил приоткрытую дверь в одном из коридоров и подошёл, костяшками пальцев коротким стуком обозначив своё присутствие.

Чума красила губы, тщательно, жирным слоем выводила ядовито-розовую помаду, обводя нарисованный заранее контур. По обыкновению, идеально уложенные волосы тугими змеями локонов ниспадали на ключицы. Костюм из белых атласных нитей облегал изгибы фигуры, словно вторая кожа. Отложив помаду, она оценивающе осмотрела своё отражение, повертелась и только после заметила Шэдо. Вздрогнула, надменно передёрнула плечами, улыбнулась фальшиво и обольстительно.

— Пришёл утешить меня? Я не нуждаюсь, Война всегда был таким… Он никогда не уважал меня, только трахал.

Шэдо промолчал, лишь заметил опустевший бокал из-под вина с отпечатками всё той же розовой помады. Несколько бутылок из мутного тёмно-зелёного стекла были разбросаны

по полу. Сколько же она выпила? В комнате пахло сладкими духами и перебродившим виноградом. Чуме не с кем было поговорить, она одинока… а он стал невольным свидетелем её разбитости. Голод обнажал слабости всех… намеренно или же нет. В здравом уме и трезвости Чума вряд ли стала бы откровенничать.

— Я пришёл узнать, когда и куда мы отправимся, — невозмутимо соврал он, на что она надрывно и истерически расхохоталась, повернулась, процокала каблуками по полу, подходя к нему. Шэдо не шелохнулся, ожидая, что ещё скажет Всадница. Из неё необязательно тянуть слова. В состоянии обиды, задетой гордости и алкоголя она довольно предсказуема. Он не дёрнулся, когда Чума подняла руку с небрежной нежностью положив ладонь на его щёку.

— Ты красавчик. Но мои собратья — дураки, если рассчитывают, что ты один решишь все наши проблемы.

— Почему же? — повёл бровью Шэдо, чувствуя, как её длинные ногти царапают скулу. Не выдержал, отбросил женскую руку, не позволив гладить себя, как щенка. На что Всадница только фыркнула.

— Потому что Смерть и Война считают Монрейн лучше, чем та есть на самом деле. Эта дрянь отравила их с помощью Любви. Только я и Голод видели истинную чёрную гниль её души.

Не только Война, но и Смерть? Поэтому она не рассказала о причинах вражды?

— Чего Монрейн добивается? — осторожно полюбопытствовал он. — Зачем ей всё уничтожать?

Он помнил себя в плену у собственной злобы. Когда страдал, когда ненавидел и страстно жаждал уничтожить мир, стереть его с лица, оставить пепелище, но вовремя понял, что таким образом лишь посмеётся над собой, станет ещё более одиноким. Властелином Пустоты, из которой уже никогда не будет выхода. Неужели Царица столь безрассудна, что способна обречь себя на это?

Чума скривилась, словно само имя резануло её слух, оскорбило, напомнило о собственной ничтожности, прожгло ревностью.

— Она возомнила себя способной бросить вызов Властелину, — сквозь зубы прошипела Всадница, принявшись оглядываться в поисках чего-то непомерно важного.

— Но они ведь равны по силе… — тактично напомнил Шэдо, подталкивая разговор в нужную сторону. Чума хохотнула, будто он сказал глупость, покачала головой, комично надула губы.

— Ты забыл, что у него есть ещё мы… а у неё не осталось никого.

«Не осталось ли…»

Шэдо вновь подумал о Войне, чьи планы разгадать сложнее. Он предал Властелина, убил Любовь, но заслужил прощение, хотя при этом едва не восстал против него в попытке защитить Царицу. Или?.. Что-то не сходилось. В пазле, явно,

не хватало значимых деталей, чтобы вся картинка собралась воедино.

— То есть она захотела единоличной власти? — Звучало правдоподобно, но всё ещё недостаточно, если учесть рассказ Мирэниелис, где Царица стояла за Властелина горой. Чума сопротивлялась, но по лицу заметно, как ей не терпелось высказать всё, что копилось долгие столетия.

— Не во власти дело, а именно в Любви! Это она затуманила разум Монрейн!

— Как я понял, Любовь задела и тебя тоже по отношению к Войне, — спросил он, намеренно провоцируя, покалывая тонкими отравленными иглами, выжимая информацию по капле, как из натянутого каната, но Завоевательница отмахнулась, подхватив с софы маленькую сумочку из белой кожи на длинной серебряной цепочке. Внутри неё что-то жевала, удерживая в розовых лапках, жирная крыса.

— Я придумаю и от неё лекарство, в конце концов, для этого я создана, — обронила Чума, направилась к выходу, и шпилька её туфли неудачно скользнула по гладкому камню, подвернувшись, но Шэдо поймал Всадницу за локоть, спасая от падения. Он держался, словно статуя, прямой и ледяной. Она улыбнулась ему, пошло растягивая алые губы в пьяной улыбке.

— Идём, котик, повеселимся, а то ты всё время хмурый.

Её так и пришлось вести под руку.

***

Война выволок меня из дома за поводок, как дикую собаку. Ошейник уже успел натереть шею, и чувствительная покрасневшая кожа саднила при каждом новом нажиме, потому я старалась поспевать идти, чтобы не стереть в кровь. Не заживёт. На шпильках быстро передвигаться было сложно, потому я часто семенила по камню, кафелю, стеклу, лестницам, издавая звуки, как от тарабанящего ливня. Хуже того, что надетое на меня платье, если его можно так назвать, открывало вид на все прелести тела, лишь тонкими лентами закрывало соски и лоскутом ткани и ниток висело на талии, пряча промежность. Отвратительно, унизительно. Я любила откровенные наряды, короткие юбки, выразительные декольте, открытые плечи, но не настолько же! Выйти практически голой к толпе обезумевших от похоти тварей — идея крайне сомнительная. И вера в то, что этот мудак Война не бросит меня им на растерзание, не слишком успокаивала. Сам он вырядился, словно на красную дорожку собрался. Приталенный элегантный костюм-тройка насыщенного винного оттенка, лакированные туфли из кожи какого-то чешуйчатого животного и зализанные на затылок волосы.

Я не знала, куда и как мы отправимся, но надеялась, что обойдётся без дракона. Однако во дворе ждала… карета, запряженная четвёркой отвратительного вида клыкастых монстров, по восемь или девять ног, произрастающих из длин-

ных змеиных тел, у каждой.

— Зачем ты тащишь на банкет рабыню? — нашла в себе смелость спросить я, когда Война запихнул меня в карету на белоснежное велюровое сиденье и сел следом, захлопнув за собой дверцу. Он снисходительно и саркастично ухмыльнулся.

— Не надейся, что останешься одна дома и улизнёшь во Дворец Любви.

От его слов что-то ледяное и склизкое поползло по позвоночнику, и я невольно сглотнула. Но мурашки на коже невозможно было скрыть ничем, они стали только заметнее под невозмутимым и проницательным взглядом Всадника.

— Голод ведь показал тебе это место, как и портал, туда ведущий.

Не вопрос — констатация. Я опустила глаза, но Война рванул за поводок, вынуждая снова поднять голову и прикусить губу от боли. Радужки Всадника налились кровью и огнём от наполняющего его скрытого, первобытного гнева. Он прошипел сквозь сжатые зубы, намеренно делая мне больно.

— Не рассчитывай, что в этом мире у тебя есть место, где ты сможешь спастись от меня.

Хватка ослабла, и я смогла выдохнуть, пальцами забравшись под ошейник и скривившись от резких неприятных ощущений. Война, как ни в чём не бывало, щёлкнул пальцами, и твари заскребли по выложенной широкими сплошными плитами дороге, унося нас по направлению к городу.

Восьминогие тащили карету по глянцевым улицам, заставленным небоскрёбами с зеркальными витражами окон, упирающимися в небо, неоновыми вывесками, мерцающими всеми цветами, кричащими рекламными плакатами. Ни машин, ни прохожих, ни мусора, ни признаков жизни, словно это не город, а игрушечный макет в натуральную величину. Я ждала, что мы приедем в ночной клуб, казино, ресторан, но карета остановилась на площади, где возвышалась исполинская мраморная статуя совокупляющихся любовников.

Выгравированная с такой точностью деталей, текстур и изгибов, что стало жутко. Словно это великаны, застывшие в камне в момент соития. Мужчина сжимал бёдра женщины, удерживая её на руках, его каменный фаллос, погруженный в неё, с ракурса человеческого роста вызывал смущение и желание больше не поднимать голову.

Площадь была полна тёмных, согнанных сюда неизвестно откуда, они толпились по периметру, оставляя свободным самый центр.

— Что здесь будет? — вопрос сам сорвался с губ, но Война не снизошёл до ответа, лишь до многозначительной улыбки. Распахнул дверцу, дёрнул за цепь, и я невольно вывалилась следом, чудом не распластавшись на каменной кладке площади. На нас смотрели, как на грёбанных звёзд Голливуда, выползших из лимузина. Голодные, алчные, напуганные взгляды, полные немого обожания, желания и ужаса. Война, не обращая ни на кого внимания, потащил меня к самой

статуе, и в этот момент я заметила, как на маленький балкон, расположенный прямо в месте соития любовников вышел Голод. Он обозначил своё присутствие громким приветствием, сказал что-то про безопасность, на что толпа отозвалась единым ошеломленным вздохом, потом про то, что у всех есть слабости, и отдаться им не грех. И в этот же миг город вспыхнул новой порцией огней, открылись двери казино, ресторанов и борделей, зазывая гостей. И Тёмные, как по приказу, синхронно ринулись, кто куда, словно одержимые шопоголики на распродаже. Если бы мы с Войной в это время уже не подошли к каменным дверям, вырезанным прямиком в пятке статуи, нас бы просто затоптали.

Внутри было прохладно, пахло шампанским, сигарным дымом и чем-то ещё утомительно сладким. Вверх вилась широкая лестница, словно вылепленная из окостеневших кровеносных сосудов и вен. Окон не было, пролёты освещали радужные масляные фонари. Рядом тут же находился стеклянный лифт, в который и подтолкнул меня Война, так что высоты лестницы и количества ступенек испугаться я не успела.

Мы приехали в основную залу довольно быстро, Война всё время молчал и смотрел в одну точку перед собой, как вышколенный дисциплинированный солдат, даже жутко было видеть его таким задумчивым и серьёзным. Когда стеклянные створки лифта разъехались, перед нами открылось просторное помещение, мало чем отличавшееся по интерье-

ру от дома Голода. Та же лаконичность, фактурный камень, бассейны и джакузи с тёмной водой, барные стойки и столики, вырезанные прямиком из куска не отшлифованного гранита, кожаные диваны, кресла. Кальяны, бильярдные столы, зоны для рулетки, залы для покера, шесты для стриптиза, яркие красные двери, ведущие в приватные комнаты, словно тоннели в муравейнике. И всё это тянулось по спирали на несколько этажей вверх.

А там, где каменный член снаружи вонзался в каменное лоно женщины, прямо из огромной головки вырывался фонтан игристого белого вина, что растекалось по расставленным пирамидой горкам бокалов для гостей, а дальше по пронизывающим пол каналам, вдоль которых также стояла посуда. Зрелище, мягко говоря, не аппетитное, но гостей, по всей видимости, ничего не смущало.

Здесь собрались высшие чины тёмных, в отличие от площади, где осталась основная часть пленных, которых теперь просто разогнали по улицам без всякого надзора. Сюда же привели Наместников с ближайшей свитой и тех, кто в элитах своих миров имел хоть какой-то вес. Я сразу заметила Огнеяра и Мэгори, но даже не поняла, испытывать ли мне облегчение или тревожиться. Я сражалась за их свободу, как могла, хоть то и бесполезно, к тому же глупо. Их же, похоже, моя судьба не волновала вовсе.

Невольно поискала взглядом Шэдо, но его нигде не было, зато Голод сидел на мягком диване из золотистой кожи

в приватной зоне, расположенной на своеобразном помосте, откуда открывался обзор на весь нижний зал. В одной руке он держал бокал вина, во второй — сигарету. Рядом облаченная в броню восседала Мирэниелис, а так же Ледышка и Мертвец. В бурлящем бассейне плескались игривые русалки, чья чешуя переливалась в свете прожекторов. Я успела задаться вопросом, настоящие ли у них хвосты, когда мы с Войной проходили мимо. На шестах вдоль зала крутились фигуристые нимфы с зелёной, синей, красной и даже фиолетовой кожей, полностью обнаженные и мало похожие на людей. С рогами, копытами, птичьими лапами, хвостами, тремя, четырьмя, шестью грудями, несколькими головами и руками. Но все стремились продемонстрировать свои достоинства и привлекательность. Вокруг них собирались толпы мужчин, одержимых похотью, они подбадривали, кричали, пускали слюни, тянули конечности к танцовщицам, но никто пока что не пересекал черту.

Война буквально затащил меня в эту сраную вип-ложу и усадил на пол, как собаку, а сам расположился на диване, широко расставив ноги и вытянув руки вдоль спинки.

— Самка сменила хозяина? — противно скрипуче хохотнул Ледышка, пройдясь по мне сальным взглядом. Он даже облизнулся так, что я невольно задрожала от омерзения. — Что там с тем выскочкой? Не иначе отправился к Царице?

Мертвец на это заржал, булькая внутренностями. Воительница в броне тактично ухмыльнулась. Голод затянулся

сигаретой. Война же весёлости не разделил, и одного взора, острого и беспощадного, как лезвие его меча, хватило, чтобы Ледышка подавился своим смехом, присмирел и весь сжался, как испуганная вошь.

— Я думала, ты придёшь с Чумой, она задерживается, — перевела тему Мирэниелис, постучав стальными когтями по обивке дивана, на что Война хмыкнул, приподняв брови.

— Я ей не нянька, — бросил он, зачем-то опустив ладонь мне на голову и погладив, словно я и вправду животное. Я сжала зубы, вывернувшись, на что Всадник резко сомкнул кулак на макушке, намеренно причиняя боль. Но смотрел при этом на Голода, да так, будто собирался просверлить в брате дыру. Тот лишь пожал плечами, не удостоив ответным вниманием.

В зале громыхала музыка, лилась водопадом со всех сторон и не была похожа ни на одни звуки, издаваемые знакомыми мне музыкальными инструментами. Совершенно потусторонняя, неземная. Я снова нашла глазами Огнеяра, что у барной стойки переговаривался с Астаротом. Мэгори тем временем выглядела бодрой, даже весёлой, она танцевала с бокалом в руке, ритмично покачивая бёдрами в такт мелодии. Всё шло более чем прилично, но меня всё равно била дрожь при мысли, что Голод вновь может «подшутить», и всю эту толпу тёмных, запертых в замкнутом пространстве, охватит безумие.

Наместники и Всадники что-то обсуждали, но я не вслу-

шивалась, вообще старалась не поднимать голову и больше не привлекать к себе внимания, пока не заметила приближающегося Шэдо под руку с Чумой, что еле переставляла ноги на высоченных шпильках и улыбалась, как школьница, напившаяся на выпускном. При виде Санмонса мне захотелось провалиться сквозь пол, спрятаться, лишь бы не видеть его. И лишь бы он не видел меня такой безропотно униженной.

Но, конечно же, увидел. Я кожей ощутила его пристальный тяжёлый взгляд на себе, прокатившийся жгучими иглами по всему телу. Захотелось прикрыться, разреветься, исчезнуть, но я сидела смирно с выпрямленной спиной и держалась, смотрела перед собой.

Чума вызывающе хохотала, поглаживая его по предплечью, буквально висла на нём, и это заметили все присутствующие. Война испепелял её прищуренными злыми глазами. Голод казался совершенно безучастным. Ледышка и Мертвец пялились на Шэдо с завистью, а на Чуму с неприкрытой в буквальном смысле похотью. Даже их отростки между ног напряглись, отчего мне пришлось подавить навязчивый рвотный позыв.

Мирэниелис вальяжно приласкала собственных рабов, сидящих у её ног на другом от меня конце дивана. Их с нею было пятеро.

— Простите, мы задержались, — проворковала Чума слащавым голосом, метнув на Шэдо полный желания взгляд, и снова расхохоталась, прошла к дивану и уселась между во-

инственной наместницей и Голодом. От её тона и многозначительного внимания в сторону Санмонса меня передёрнуло. В груди шевельнулось неприятное жгучее чувство, ядом разливающееся вместе с кровью.

«Не мог же он… ведь не стал бы… даже ради своей выгоды».

Охваченная удушающей обидой, я осмелилась украдкой посмотреть на Шэдо, что сел поодаль от остальных и выглядел по-прежнему невозмутимым, серьёзным и холодным. Он не удостоил меня вниманием, словно и для него я была пустым местом. Словно… он окончательно уступил меня Войне, сделал выбор в пользу своей безопасности, избавился от рычага… Или я вовсе напридумывала себе, что важна ему?

«Какое мне дело?» — убеждала себя, а при этом настырно искала его внимания, хотя бы взгляда. Чуть ли не кричала:

«Посмотри на меня! Хотя бы намекни, что ты меня не бросил на растерзание этим уродам! Пожалуйста!»

Бесполезно. Ледяная непробиваемая скала, красивая в своём беспощадном равнодушии. И как я посмела ожидать чего-то иного? Да ещё и от своего врага?

Не Шэдо, а собственные ожидания сейчас мучительно медленно прожигали дыру в моей груди, вырывая сердце, лопая сосуд за сосудом, перекрывая кислород. Глупо надеяться… я могу рассчитывать только на себя. Напоминание царапнуло грудную клетку с внутренней стороны, да так, что онемели органы. Я впилась пальцами в ладони, чтобы никак

внешне не выдать своего смятения и отчаянья. Хладнокровие — это броня, пора и мне её примерить.

Светская беседа о городе, увеселениях и способе построения зданий тянулась долго, однообразно и скучно, но все участники усиленно демонстрировали заинтересованность разговором. Кроме Шэдо и Войны, которые глядели друг на друга так мрачно и твёрдо, словно уже сражались в поединке на смерть. Докурив очередную сигарету и опрокинув бокал с золотистой жидкостью залпом, Голод воодушевлённо хлопнул ладонями по коленям, поднявшись.

— Так, хватит этих унылых обсуждений, мы здесь собрались не за этим, — он щёлкнул пальцами, и музыка тотчас стихла, погасла, подобно свече под внезапно налетевшим ветром. Тёмные перестали танцевать и делать вид, будто забыли, где находятся. Даже танцовщицы слезли с шестов и растворились в неоновом рассыпчатом полумраке. Кто-то направил прожектор прямо на Голода, чтобы всё внимание гостей сфокусировалось на нём одном. Всадник лучезарно и приветливо улыбнулся, показывая всем и каждому, что именно он сегодня хозяин вечера.

— Я вас приветствую, дорогие гости, в своих владениях, — начал он громко, заученно и торжественно, словно до этого неоднократно репетировал речь перед зеркалом. — У меня, наверняка, веселее, чем у Смерти?

Прервался, ожидая реакции, и по ошарашенной толпе прокатился вздох неуверенного одобрения. Всадник умел

настраивать массы, разогревать, вызывать интерес. Живи он в моём мире, стал бы популярным телеведущим или стендап-комиком. Здесь же в общем нервном напряжении его образ и поведение казались несуразной издёвкой. Голод походил на маньяка, строящего из себя добряка, чтобы усмирить бдительность жертв. Он говорил что-то о городе, о том, что в нём есть развлечения на любой вкус, что пока они его гости, могут ни в чём себе не отказывать. Я меж тем заметила, как Мэгори показала на меня пальцем Огнеяру, дёрнув того за рукав, и глаза Владыки Низовья вспыхнули неистовой яростью. Он рванулся к помосту, расталкивая собравшихся перед ним, но остановился в бессилии сжимая кулаки и зубы.

«Ох, Огнеяр… ты такой отчаянно смелый, хоть это и безрассудно» — подумалось мне, но мысль о том, что хоть кому-то не всё равно на меня, согрела, придала сил, как и прежде. Хотя по сути говоря, какое Огнеяру дело? В чём выгода? Зачем ему подставляться из-за меня? Просто так… Просто потому что не может иначе? Или… потому что не способен удерживать свою злость в узде? А это не доведёт до добра. Пустой подвиг, хоть и сумевший немного разогнать мою тоску.

Голод сбился в очередной раз, прикусил губу, затем облизал её кончиком языка, почесал затылок, вспоминая, что ещё хотел сказать, но потом беззаботно махнул рукой.

— А впрочем плевать, чувствуйте себя свободно, пока можете. Развлекайтесь, пейте, ешьте, трахайтесь, живите, пока

живы!

Толпа зашумела, явно обрадованная. Кто-то даже выкрикнул нелепое: «Это мы всегда готовы!»

Война красноречиво кашлянул, привлекая внимание брата.

— Ах, да, — Голод поднял указательный палец вверх, вновь заставив всех напряженно замолчать. — Мой брат хочет сделать для вас объявление.

Война поднялся, встал рядом с братом, расставив ноги на ширине плеч и положив руки на пояс. Прямо истинный генерал. Свет рассеялся, луч прожектора пронёсся по собравшимся, замершим в испуганном ожидании.

Третий наклонил голову и обвёл толпу оценивающим взглядом исподлобья.

— Я знаю, что многим из вас претит этот дом, и вы только и жаждете его покинуть. Потому я дам вам такую возможность, но не всем, а лишь достойным.

Все молчали, лишь перешептывались между собой.

— И кто же достоин? — заинтересовалась Мирэниелис, сидящая за спиной Войны. Спросила так, чтобы слышали все, озвучила общий очевидный вопрос, на что Всадник обернулся с довольной многозначительной улыбкой и развёл руки в стороны.

— А достойным станет тот, кто победит в турнире. Самый сильный, выносливый, умный. Участвовать могут не все, это добровольно. Победители получат приз, проиграв-

шие — умрут.

Над головами гостей пронёсся ропот, в воздух взвилась энергия страха. Но многие задумались, в том числе и Огнеяр. Я видела эту страшную решимость в его лице. Всё или ничего. Война закинул удочку и сел на своё место, совершенно потеряв интерес к оживленной его словами публике. Теперь он смотрел только на Чуму, словно больше не замечая никого из присутствующих.

Голод ответил на несколько вопросов, выкрикнутых смельчаками.

— Вы можете вписать свои имена в книгу, что находится у пьёнов. А пока развлекайтесь.

И музыка, подчиняясь воле хозяина вечера, заиграла вновь. Воздух наполнился курениями, ароматами алкоголя, смехом, напряжение постепенно спадало. Кто-то танцевал, кто-то пил, у всех появилась общая тема для обсуждения. Шэдо смотрел в зал, не участвуя в пустых беседах Всадников и Наместников, словно спасатель на пляже: безучастно и сосредоточенно одновременно. Вскоре Чума с Мирэниелис под руку спустились в зал и смешались с танцующими на импровизированном танцполе. Слуги Наместницы уползли следом за ней. В отличие от бала Смерти, здесь плясали, кто во что горазд, не придерживаясь определённого стиля или культуры, что негласно представлялась классической для всех миров.

Война проводил названую сестру долгим тяжелым взгля-

дом. Он дождался, пока ложу покинет и Голод, а после рявкнул на Ледышку и Мертвеца:

— Свалите, видеть вас тошно.

Те не рискнули ему перечить. Шэдо даже не думал принимать подобное обращение на свой счёт и реагировать. Он бы не сдвинулся с места, даже если бы Война обращался и к нему тоже.

Всадник сверлил Санмонса взглядом, но тот делал вид, что не замечает, или попросту игнорировал. Пальцы Войны нащупали поводок на сиденье, тянущийся золотой цепью к ошейнику на моей шее. Я вся напряглась, мысленно приготовившись к очередной порции дешевых унизительных манипуляций, но он только дёрнул меня ближе, сухо приказав:

— Принеси ещё вина, рабыня, живо, — он швырнул цепь мне в лицо, всем видом говоря, что, если я сейчас же не уберусь отсюда, мне не поздоровится.

Он хотел остаться наедине с Шэдо? Зачем? Что ему нужно от Санмонса?

Я ощутила на спине мимолётный взгляд Наместника, когда торопливо спускалась по ступенькам. Смешалась с толпой, сжимая в руках проклятый поводок, но любопытство подвело, и я оглянулась, чтобы убедиться: меня никто вниманием не провожает. Повернула вправо, незаметно обошла ложу, что располагалась на возвышении в центре зала, питалась с той стороны, где стояли диваны. Сердце так сильно колотилось от волнения, что ладони вспотели. Из-за музыки

ничего не было слышно, но часть слов я всё равно разобрала, напрягая весь свой слух.

— Долго же ты тянул с разговором, — невозмутимо подцел Шэдо, будто давно готовился к предстоящему. Война усмехнулся, встал, подсел к нему ближе, но всё ещё сохраняя дистанцию.

— А ты не дурак, Санмонс. Сам догадался, или девка донесла?

Шэдо не удостоил его ответом, а я не поняла, какая именно «девка». Если речь обо мне, то это может быть только подслушанный невольно разговор с Чумой перед ритуалом… но я толком ничего из него не поняла.

— Начистоту, Война: мне известно про зелье и про то, что ты помог рухнуть плану Смерти, обеспечив моё выживание. Теперь, полагаю, ты озвучишь цену за моё спасение?

У меня душа ушла в пятки, а руки задрожали так, что едва получалось унять. Я старалась слушать, жадно хватая каждую букву, но кровь шумела в висках, смешиваясь с басами музыки, что разобрать что-то было сложно. Но сухой ответ Всадника я услышала чётко, словно сама сидела рядом с ним.

— Ты отплатишь мне информацией, Шэдо. Если Царица заявит о себе, я должен узнать об этом первым.

Угроза в его тихом голосе казалась физически ощутимой, как демонстрация силы, как поэтапное перечисление всех ужасов, пыток и лишений, что обрушатся на голову Шэдо

в случае неповиновения. Но насколько я знала Санмонса, его трудно запугать. Ему нечего терять, кроме разве что собственной жизни, нашего дома, если тот для Шэдо важен, и… меня. Но и то в качестве гарантии сохранения родного мира.

Решив не медлить с вином и опасаясь быть пойманной, я рванула к фаллосу-фонтану, лавируя между гостями. Но не успела отойти достаточно, как Война подорвался и буквально сбежал с помоста, снося на своём пути всех, кто в силу нерасторопности не успел уступить дорогу, шёл прямо по ним, не обращая внимания на вопли и хруст конечностей.

Рванул искать меня? Я попятилась и налетела на кого-то спиной. Зверского вида Тёмный оскалил гнилую пасть, агрессивно обернувшись.

— Ммм… светлая рабыня? — прошаркал он на ломаном общем языке, на каком говорили все в мире Всадников. — Иди сюда, не бойся.

Меня не впечатлило, я лишь скрестила руки на груди.

— Бояться надо тебе, если тронешь. Я принадлежу Войне.

Войне… Шэдо, да хоть самому Властелину…

Произносить это вслух без брезгливой гримасы сложно, но на всяких уродов действует убедительно. Гнилозубый живо ретировался, а заодно расступились и все ближайшие, тоже до того бросающие на меня липкие взгляды. Крепче сжав свой золотой поводок, я пошла вперёд, гордо подняв голову, выпрямив плечи и уповая, чтобы чёртово недоплатье хоть как-то скрывало задницу. Хотя моя нагота в этом зале не яв-

лялась чем-то выдающимся. Некоторые женщины, не считая танцовщиц, и вовсе не признавали одежды.

В зале царила возбужденная атмосфера, порожденная азартом от предстоящего турнира. Самые решительные выстраивались в очередь к книге, чтобы записаться на участие. Я осторожно пробиралась к стене, чтобы в случае непредвиденных обстоятельств не очутиться в давке. Подобралась к фонтану, осторожно взяла один из изящных бокалов на витой ножке с вершины пирамиды, задержалась посмотреть на «фонтан», откуда извергалось вино.

Хотела выпить, но не стала из-за пришедшей в голову отвратной ассоциации этой жидкости с мочой, хоть и пахло пойло изумительно.

Не спешила возвращаться к Войне, решив осмотреться. На столиках стояли закуски, некоторые из них даже выглядели аппетитно, и мой желудок тут же вспомнил, что не ела с момента… А вот этого вспомнить не удалось. Я даже не ощущала вкуса, поглощая еду, чувствуя, как вместе с ней меня наполняют и увядшие силы. Настроение точно улучшилось, и я всё же отхлебнула из бокала, повернувшись спиной к каменной головке члена, производящей этот «волшебный нектар». Вкусно. Изысканный букет растворился на языке, порождая дурманящее фруктовое послевкусие. На меня поглядывали, но подойти не решались. Кто-то наступил на цепь, когда я шла обратно к фонтану, чтобы взять ещё бокал для Войны, и раздраженно обернулась, чтобы высказать возму-

щения неуклюжему мерзавцу, но позади уже никого не оказалось. Зато стоило мне приблизиться к стеклянной пирамиде вновь, как из-за неё вышел Шэдо. Молчаливый, серьёзный и загадочный.

Я напряглась, уставившись на него, не зная, как себя вести, что сказать… Хотелось накричать, дать пощёчину за то, что так просто отдал меня Войне, но я осадила себя и свои пустые эмоции. Он не хочет позволять Всаднику манипулировать собой, оно и ясно…

Санмонс едва заметно кивнул в сторону тяжелой портьеры, скрывающей если не окно, то точно замаскированный выход на крошечный балкончик над площадью. Свежий воздух с запахами гор и полевых цветов опьянил, но от высоты закружилась голова. Какая же огромная эта чёртова статуя, а мы маленькие, словно блохи на мраморных телах этих любовников. Балкон имел низенькие перила, едва достающие до колен, и такой узкий, что я невольно отпрянула, боясь упасть, и налетела на стоящего позади Шэдо. Крепкое сильное тело, широкая грудь и плечи, сильные руки с узлами мышц, обтянутых тканью рубашки. Дыхание сбилось, участилось, замерло на миг, когда он властным жестом развернул меня к себе лицом и требовательно посмотрел в глаза, пытаясь прочесть мысли, постигнуть чувства, вытряхнуть их, обнажить… Горячие длинные пальцы буквально впились в мою кожу, выдавая его беспокойство.

— Что тебе нужно? — в недоумении спросила я, не спеша

отступать, не собираясь вырываться из его рук или протестовать. Просто узнать… понять… зажечь маленькую надежду. Словно опомнившись, отряхнувшись от оцепенения, Шэдо сунул пальцы в карман брюк и вынул оттуда маленькую ампулу, наполненную бордовой жидкостью. Кровь?

Не успела я отпрянуть, как он обхватил мою ладонь своими, вложил в неё сосуд и сжал пальцы, чтобы не выронила.

— Подлей это Войне в вино. Он должен выпить.

И всё? Ради этого он меня вытащил? А чего я, дура, ожидала? Что после секса между нами что-то изменится? Мне бы этого хотелось?..

«Нет!»

Я прикусила губу, осознав, что только что солгала самой себе. Кивнула, стиснув ампулу, даже не зная, куда её деть, чтобы не выпала. Разве что в смешное декольте… закрепить под лентами?

— Хорошо, — я сухо и послушно кивнула, стараясь больше не смотреть Санмонсу в глаза, боясь вспомнить свою чёртову слабость, так ярко продемонстрированную Голодом… И покрыться краской до самых ушей. Не время. Не место. Не сейчас.

Но Шэдо, видя моё замешательство, не спешил уходить. Обхватил подбородок двумя пальцами, поднял мою голову, вынуждая глядеть на себя. Обжёг льдом, за которым пряталось нечто похожее на чувство вины.

— Он… что-то с тобой сделал?

Он спросил это так, словно у него свело скулы. Сквозь спазм и онемение нервов лица. Еле выдавил вопрос, продолжая сверлить синими жгучими безднами глаз. Я опешила, осознавая суть, окатившую стыдом и смущением. Но Шэдо ничего не смущало, ничего не могло встать на пути его безжалостной откровенности.

«А если бы и сделал, то что?»

— Нет, — выдохнула я, пораженная тем, какую бурю скрывало непроницаемое лицо Санмонса. Услышав это, он сухо кивнул, сглотнул слюну и отпустил меня, медленно выпрямился в явном облегчении.

— Он пытался, но я… сказала, что тогда ты… Я… нашла, как выкрутиться, — я потупилась, ощущая, как дрожат губы, как электричество струится по венам, наполняя импульсами и пальцы рук. Шэдо порывисто притянул меня к себе, заключив объятия, а я сумела только ошеломленно вздохнуть, цепляясь за его рубашку на груди, уткнувшись лицом туда, где беспорядочно быстро колотилось сердце.

— Хорошо. Ты молодец, — похвалил он, опустив сухую горячую ладонь мне на макушку, чуть массируя волосы. А сам смотрел куда-то вдаль и говорил механически, безымоционально, как робот. — Он не убьёт тебя и не тронет, пока я ему нужен. Пользуйся этим. Говори всё, что поможет избежать проблем.

— Моя сохранность — гарантия твоей покорности, — напомнила я вслух сама себе.

Шэдо помедлил, стиснул зубы до скрипа, но лишь крепче прижал меня к себе, впиваясь пальцами в лопатки, вместе с тем поглаживая и этим согревая вьюгу подкожного озноба теплом своего тела.

— Верно.

— Рада, что у тебя есть план, — я отстранилась, но не спешила высвобождаться из рук. Мы стояли одни, зажатые между мраморными исполинами и городом, оба лишенные возможности летать. Смотрели друг на друга, сражались в зрительном бою.

— Плана пока нет, но я над этим работаю, — приподняв густые тёмные брови, сказал Шэдо и прищурился, стоило мне позволить себе опустить взгляд на его губы. Не мешкая, не дожидаясь, не разрешая себе самой отреагировать единственно верно, я потянулась и поцеловала его. Дерзко, безрассудно, нагло. Вторглась в личное пространство, преступила границы. И поплатилась.

Он сомкнул ладонь на моём затылке, запустил большой и указательный пальцы в волосы, чуть потянул до сладкой приятной боли, отстранив от себя. Его колкие глаза мучительно и жадно пожирали мои, словно ища в глубине правду, сулящую вскрывшийся подвох.

— Зачем ты это делаешь? — спросил с ухмылкой, но до умопомрачения волнующе. — Сама же заявила, что жалеешь.

— А ты сам сказал, что мы не должны стесняться своих

желаний, — прошептала я пересохшими губами и невольно облизнула их, заметив, с каким голодом он проследил за незначительным движением языка.

— Я хочу… и готова это признать…

Что во мне говорило? Влияние Голода? Собственная безысходность? Подавляемое, но всё равно прорастающее влечение?

Шэдо не дал поразмыслить над ответом. Резко притянул меня к себе, всё ещё держа за затылок, накрыл губы яростным жарким поцелуем. Он кусал, сминал мои губы, вылизывал их, упиваясь вкусом, а я попросту таяла. Цеплялась за его рубашку, обнимала за шею, прижималась близко, вдыхала его запах.

Горячо и мокро. Мне кажется, я ни с кем не целовалась так искренне и самозабвенно, что хотелось выпить его полностью, поглотить, раствориться в нём. Голова кружилась, словно это чёртов эротический сон.

Шэдо скользнул ладонями по моим волосам, плечам, спине, ниже…

Погладил поясницу, опустив обе руки на бёдра, и рывком двинул на себя, чем выбил несдержанный, шокированный стон. Я прижалась к нему низом живота, чувствуя сквозь одежду, насколько он возбужден. Опасная близость на грани сумасшествия. Тело подводило, между ног растекался жар неутолимого напряжения. Я стояла перед ним фактически голая! Набухшие соски натянули проклятые ленты ткани.

Как назло перед глазами в красках сверкнуло воспоминание о том, что я делала наедине с Голодом, о ком думала… и ласкала себя.

Шэдо удивлённо вскинул брови, сильнее сжимая мои бёдра, но не переходя черту пошлости, не перемещая ладони на ягодицы. Он ухмыльнулся полупьяно, глаза заволокло мутной дымкой желания. Прижал меня к стене спиной. Наклонился, чтобы поцеловать шею. Его горячее дыхание, огненные поцелуи и нежные объятия распаляли, заставляли плавиться, призывно тереться об него, уже не заботясь о наготе, шептать на ухо мольбы не прекращать. Я могла бы кончить только лишь от предвкушения прикосновений. Но он не спешил. Провёл языком по ключице, чуть поддев спускающуюся от плеча к груди тонкую полоску ткани, мазнул по ней подушечкой большого пальца и замер на соске, легонько ущипнув, от чего тот отозвался ноющей болью и набух ещё больше в предвкушении ласк.

— Ммм, — я закрыла глаза, отдаваясь ощущениям, что казались ещё острее от мысли, кому именно я готова позволить многое. Шэдо чувствовал, что я уже на грани, знал, что не могу даже стонать, а покорно жду продолжения. Податливая, послушная, готовая на всё, что прикажет. На всё, что пожелает, сдавшаяся. Даже если сейчас он опустит меня на колени и попросит ублажать его ртом, я это сделаю. Одна лишь мысль чертовски возбудила, да так, что я судорожно дрожащими руками решительно потянулась к его паху, но

Санмонс с усмешкой перехватил мои руки. Прошептал на ухо, прикусив мочку зубами, оставив на ней влажный жадный поцелуй:

— Мы не можем позволить себе зайти дальше сейчас.

Вспышка, осознание, возвращение в реальность. Я припала к его плечу, готовая расплакаться от благодарности, что не воспользовался моей слабостью. Но тело отказывалась подчиняться разуму, ныло, стонало, покрывалось испариной.

Шэдо хотел отойти, сделал шаг назад, но я не отпустила, вцепилась в него мёртвой хваткой, сгорая от стыда и желания. Не смея решиться, но и не в силах отпустить.

— Не думай, что я… не думай… — голос звучал жалко, надломленно, я ожидала, что он рассмеётся моим нелепым попыткам оправдаться, но он не смеялся. Только провёл пальцем по моей щеке… подбородку, едва задел нижнюю губу, что припухла от долгих поцелуев.

— Потерпи… я вытащу нас отсюда.

Его шепот лился мёдом в мои уши, и охвативший изнутри огонь не торопился утихать. Шэдо смотрел мне в глаза, пленяя взглядом, не позволяя думать ни о чём другом, кроме него. И я сжимала зубы от злости, что не могу противиться, что совершенно безвольна перед ним.

А потом он опустил вторую руку между моих ног, ласково проведя ею по груди и животу.

Мне было так стыдно, что ублюдок Война не позволил надеть бельё под это недоразумение вместо платья. Но стои-

ло почувствовать уверенные пальцы Шэдо на своём клиторе, как разбухшее до предела напряжение взорвалось мириадами осколков, и искры перед глазами посыпались. Я задрожала в оргазме, прильнув к нему, спрятав лицо на его груди, укусив за ключицу сквозь ткань рубашки. Внизу всё пульсировало, не спеша успокаиваться, плавилось, растекалось смолой… сводило с ума.

Мой бог… что же я снова наделала. Но на удивление не жалела об этом…

Он помог встать на ноги, хотя я всё ещё держалась за его плечи, стараясь выровнять дыхание. В спешке поправила свою одежду, попутно сражаясь с неловкостью, что неизбежно нахлынула на смену возбуждению.

— Это…

Шэдо отошёл, оправил рубашку, и лицо его вновь обрело холодные оттенки.

— Сосредоточься на цели, а не на самокопании.

Он хлестнул словами, как плетью, обжигая и без того вибрирующие, словно электрические провода, нервы. Он жил настоящим и был прав в том, что не время заниматься самоистязанием, когда вокруг и так достаточно желающих тебя помучить.

Но в его словах сквозило и нечто ещё… Незаметное, едва уловимое, призрачное. Между строк звучало: «Я рискнул тебе доверять… снова».

И в этот раз я действительно опасалась утратить его до-

верие, ведь он — моя единственная надежда на выживание. И глупо здесь заигрываться с гордостью и плескаться в прошлых обидах. Мёртвым не больно… мёртвые не несут груз потерь и огорчений, не чувствуют ничего. Но лучше уж быть живой и со всем этим багажом проблем, чем… слиться со светлым потоком на небе.

— Я сделаю это при первой же возможности.

Шэдо удовлетворенно кивнул, пропуская меня обратно в зал.

— Найди его, держись ближе к нему. Рядом с ним тебе ничего не угрожает в пределах этой статуи.

Я собиралась послушно уйти, но замешкалась, полуобернувшись. Вопрос, повисший на языке, так и рвался быть заданным:

— А если он заметит? И решит давить на тебя «по-плохому»?

Санмонс неосознанно выпрямился, черты его лица стали жестче, острее. Казалось, мне удалось воткнуть шпильку в брешь в броне, задеть спрятанные чувства.

Он смотрел куда-то над моей головой, сквозь меня, размышляя. Но после всё же твёрдо и бескомпромиссно взглянул в глаза.

— Я обещаю защитить тебя.

Большего и не требовалось. Лишь кивнув, я скользнула в зал, подхватив ещё один бокал, но не спешила подлить в него кровь. Сперва надо хотя бы отыскать Войну. Но вместо

него я заметила неподалёку друзей.

Мэгори пила, облизывая малиновые губы, напевала себе под нос какую-то родную мелодию и пританцовывала, не обращая внимания на остальных. Яри, Левиафан и Астарот оживлённо обсуждали турнир.

— Если это и вправду шанс освободиться, то я согласен, — с пугающей отчаянной решимостью говорил Огнеяр. Его глаза нездорово поблескивали, как бывает у зверя, загнанного в угол и лишенного иного выхода.

— Не знаю, у них нет причин нас отпускать, — покачал головой Воплощение Зависти, спрятав руки в длинные рукава насыщенно зелёного пиджака. — Говорят же, что собрали нас для защиты от Царицы. Выходит…

— Дома опасно? — хмыкнул Астарот, и Левиафан медленно и неуверенно кивнул.

— Чушь. Мамон, Асмодей и прочие остались там, — закатил глаза Огнеяр. — Они не выгребали всех подчистую, только понравившиеся игрушки. Значит, могут и отпустить, но единицы.

Его голос стал тише и ниже, тон сделался заговорщическим.

— Я выиграю состязание, вернусь домой, и…

Но тут он заметил меня, вздрогнул, выпрямился, облегченно и шумно выдохнул.

— Офелис! — он отодвинул рукой Астарота, стоящего ко мне спиной, а я шагнула ближе, оглядываясь. Мэгори взвизг-

нула радостно, прикрыла рот руками и, разбрызгивая вино, ринулась ко мне. Обняла так крепко, что едва не выдавила воздух из лёгких. Астарот плотоядно оглядел меня, поедая изгибы фигуры.

— Милое… платье? — ухмыльнулся он, но затих под раздраженным взглядом Огнеяра. Его же внимание выражалось не так явно, но всё равно. Левиафан тактично отвёл глаза.

— Тебя отпустили или послали передать что-то? — нахмурился Огнеяр, на что я покачала головой.

— Нет, я… выкроила минутку.

Яри стиснул зубы, оглянулся на помост, где уже никого не было, опустил ладонь на моё плечо.

— Держись, что бы они с тобой ни делали. Обещай держаться.

Я оценила поддержку, взяла тёмного за руки, попыталась говорить убедительно.

— Обещаю. Но сейчас мне нужно найти Войну…

Огнеяр вспылил, радужки его глаз вспыхнули алым, он крепче сжал мои запястья, не позволяя уйти.

— Чёрт возьми! Тебе нужно бежать отсюда, Офелис! Затеряться в толпе и найти выход.

— Это неплохо бы сделать нам всем, — пожал плечами Астарот. — Кто знает, может, в этом турнире вообще невозможно будет выиграть.

Огнеяр стиснул челюсти, подумал мгновение и сказал:

— Тогда бегите все, и прямо сейчас. Я хотя бы выслушаю

условия и присоединюсь к вам позже.

Я не поверила своим ушам, эта идея казалась мне безумной, продиктованной отчаяньем, швыряющим Владыку Низовья из крайности в крайность.

— Яри… куда бежать? Мир кругом враждебен, там водятся твари…

Он на это презрительно хмыкнул.

— Твари водятся и у нас, что с того? Ты видела город? В нём можно затеряться на время! Всё лучше, чем сидеть в загоне и, как бараны, ждать заклания!

Я знала, что он прав, не могла и не смела возразить, да и не понимала, что в самом деле лучше. Бежать и выживать в диких условиях, прятаться в скалах, пока не найдут. Или остаться на волю Всадников. Не мне винить Огнеяра в рвении к свободе. Я подумала о Дворце Любви… о портале, туда ведущем, который показал Голод. Пусть и временное, но всё же убежище… оставалось только добраться…

Но не успела ничего ответить, лишь тупо кивнула с широко распахнутыми глазами, как музыка заиграла громче, стала навязчивой, заглушающей не только разговоры, но и мысли в голове. С нею сливался дикий женских смех, довольные, похотливые визги. Веселье разгоралось. Кто-то играл в карты, кто-то танцевал, кто-то бесконтрольно пил, лакал вино прямо из вырезанных в полу каналов, а кто-то уже заваливал на подиумы экзотических танцовщиц. К одной из них и вовсе выстроилась очередь.

— Чёрт… — выдохнула я, прижавшись к стене. — Неужели снова?

Подняла голову, выискивая глазами Голода на верхних этажах спиралевидного балкона. Но там тоже начиналось безумие. Атмосфера накалялась, становилась всё развязнее, хоть ещё и в рамках развлечений. Огнеяр дёрнул меня за руку, второй обхватив за локоть Мэгори.

— Нам надо убираться отсюда, в толпе опасно.

И мы стали осторожно протискиваться к выходу, но его там не оказалось, как и у противоположной стены. Ни окон, ни дверей… мы словно заперты в непроницаемой коробке, но этого никто не замечал. Ещё.

Краем глаза я уловила рыжую макушку Войны на внутреннем балконе тремя уровнями выше. Он стоял вместе с Голодом, схватив брата за грудки, и что-то злобно орал ему в лицо, пока прямо под ними творился хаос.

Русалки стали выпрыгивать из бассейна, хватать проходящих мимо мужчин и утаскивать в воду, впиваясь в их рты страстными поцелуями. Вода стремительно мутнела, меняла цвет, окрашиваясь в бурый, но никто, кроме жертв, этого не замечал. Танцовщицы распластались на своих подиумах в окружении мужчин и женщин, терзающих их тела. Проигравший в карты метнул струю огня прямо в противника, что у того буквально раскололся череп, а кожа сползла с кости. Но все воспринимали это за обыденность. В центре зала на танцполе начиналась давка, плавно переходящая в ор-

гию. Тела всё плотнее тёрлись друг об друга, кто-то целовался, кто-то срывал с себя одежду. Я оказалась зажата между ними, и в какой-то момент выпустила руку Огнеяра, чтобы оттолкнуть близстоящих, но потом потеряла друга из виду. Стало трудно дышать, воздух наполнился вонью. Кровь, секс, горелое мясо, дым сигарет…

Кто-то повалил меня на пол, придавив своей тушей. У него были совершенно пустые глаза, словно не понимал, что происходит, но при этом горящие похотью.

— Пошел прочь! — крикнула я, пытаясь отпихнуть, но гад не думал лишаться жертвы. Он уже шарил по мне своими лапами, стремясь сорвать и без того никчемное платье. Другие топтались прямо рядом с моей головой, наступали на ноги и пальцы рук. Я попыталась вывернуться, ударить, пнула между ног со всей дури, еле как поднялась, подгоняемая адреналином, но меня схватили за щиколотку и снова потащили. Кто, я уже не видела, ведомая лишь паникой и безрассудным отчаянным желанием выбраться из этой живой трясины тел.

Хватка на удивление быстро ослабла, а когда мне удалось отбежать, я увидела оторванную руку, чьи омертвевшие пальцы соскользнули с моей лодыжки. Крик ужаса и брезгливости вырвался из горла, но чья-то большая широкая ладонь тотчас закрыла мне рот, а вторая такая же обхватила талию. Я прижалась спиной к мужской груди, ещё не видя лица, но уже узнав запах, который внушил кратковременное

облегчение.

Шэдо отпустил мой рот, убедившись, что не стану кричать, мрачно огляделся, наметив безопасное место. Небрежно двинул запястьем, направляя прямо в толпу поток тьмы, от которого многие полегли, освободив нам путь.

Умерли или просто лишились сознания? Мне не хотелось думать. Кое-как поправив сползшие с груди нитки, я на негнущихся ногах позволяла Санмонсу тащить меня к лестнице. На втором уровне было не так душно, зато отчётливо видно начавшееся мракобесие. Шэдо вёл меня всё выше и выше, туда, где почти никого не было. Наконец, убедившись, что угроза миновала, он обернулся и окинул пристальным, оценивающим взглядом взбешенных, прошитых алыми прожилками глаз.

— Я велел тебе найти Войну и держаться рядом с ним. То, что я тебе дал, всё ещё у тебя?

Я выдернула руку из его пальцев, тщательно проверила, не выронила ли ампулу, нащупала её между бедром и поясом, кивнула.

— Но мои друзья…

Шэдо красноречиво оскалился в насмешке и поднял взор к потолку.

— Думай о себе, а не о них.

Легко сказать… может, я не настолько эгоистична? Я нервно взглянула вниз, вцепившись пальцами в мраморные перила, но в месиве тел сложно было разглядеть знакомых.

— Что там творится? Зачем Голод это делает? А как же турнир?

Ответ Санмонса обрушился на голову камнепадом жестокой правды:

— Это ловушка. Всадники устроили игры на выживание.

Глава 4 Турнир

Тревога переполняла, прорастала ядовитыми колючками в груди, скреблась под кожей назойливой мышью. Я то обнимала себя, нервно растирая предплечья, то срывалась с места, но останавливалась в растерянности, близкой к панике, глядя на то, что творилось несколькими уровнями ниже. Шэдо хладнокровно наблюдал за моими сомнениями, он вовсе не терзался жестокой бойней между «совестно» и «разумно». В его мозгу всегда побеждало второе. Вот бы и мне так… Хотя выбор-то и у меня лишь мнимый. Стоит решиться и побежать обратно, Санмонс, наверняка, поймает и не пустит.

— Что ты собираешься делать, как только их найдёшь? — наконец, спросил он с тенью усталости. — Ты им ничем не поможешь, только пострадаешь.

Я раздражённо фыркнула, не собираясь сдаваться, наклонилась через перила, упорно выискивая Огнеяра и Мэгори в хаосе тел. Понимала же, что Шэдо прав, но не желала признавать собственное поражение. Злилась, кусала губы, царапала ногтями камень балкона. Но тут же замерла, уставившись перед собой, пронзённая идеей, которая на первый

взгляд казалась спасительной.

— Я найду их и отведу в безопасное место!

Шэдо приподнял бровь и чуть наклонил голову, посмотрев на меня так, словно я тронулась умом. Вслух он этого не сказал, только холодно заметил:

— Не думаю, что в этом городе или даже в этом мире где-то существует «безопасное место».

Я была даже благодарна за его тактичность, что не стал издеваться, смеяться, не назвал идиоткой. Потому, воодушевлённая надеждой и своим планом, поспешила уточнить:

— Есть. Дворец Любви. Голод показал мне его, он сказал, что Война туда войти не сможет… Но… — я умолкла под пристальным взором Шэдо, прикусила губу, неуверенно отвернувшись. Если бы было так просто. — Портал, что ведёт туда, находится в доме Голода.

Санмонс вскинул брови в мимолётном удивлении, нахмурился, поджал губы.

— Даже если принять великодушие Голода за чистую монету, вам придётся сперва выбраться отсюда, пройти по всему городу и добраться до дома. Ты уверена, что готова рисковать… ради них?

Последние слова он произнёс тише, словно специально сделав на них акцент. Моё упрямство и врождённый альтруизм уже рвались действовать, подталкивали выпалить что-то вроде: Конечно! Иначе и быть не может!

Но всё же я засомневалась. Трудно признать, но я уже дав-

но не та, какой была во время «Восстания Бастарда», когда Шэдо освободился из темницы и бросил вызов Элиссио. Тогда мне чудилось, что необходимо быть на стороне добра, помогать ближним, рисковать ради остальных, и тогда меня заметят и полюбят, мной будут восторгаться, воспевать, ради меня тоже охотно пожертвуют собой. Ведь все любят героев… особенно, когда те мертвы. Но я не только выжила, но ещё и избавила мир от «монстра», каким его все считали. Вот только отплатили мне презрением и отчуждением, а не любовью и восхищением.

А сейчас я вновь будто бы цеплялась за спасательный круг, ища признание, но не замечая тонких свистящих струек воздуха, рвущихся из дыр. Хотела им помочь, потому что держалась за них… как за ускользающие из рук осколки привычного. Боялась окончательно лишиться связи с нашим миром, утратить опору, остаться одна. Хоть и не в первый раз судьба вырывала меня из зоны комфорта, швыряя во враждебную новую реальность.

— Я ведь… их Наместница, — пожала плечами, попытавшись отшутиться, поникла, вновь ощутив себя одинокой, покинутой… Я тревожилась за друзей, но и очень боялась быть убитой или того хуже. Но ещё больше боялась остаться совсем одна…

Но тут же осеклась, уловив тонкое напоминание в слабом движении губ Шэдо, созвучное с моими собственными мыслями:

«Не их… а Светлых. За Тёмных я не отвечаю».

— Тогда это они должны защищать тебя, — невозмутимо сказал он, и я в порыве упрямства поспешила возразить, добавить, окончательно оправдаться, но больше перед самой собой, чем перед ним:

— Что плохого в стремлении к свободе?! Быть игрушкой в ваших с Войной играх разве лучше?

Шэдо усмехнулся уголком рта, но глаза оставались серьёзными и ледяными.

— Твои цели идут вразрез с возможностью выжить.

Жестокая правда. Он всегда рубил с плеча, не заботясь о чьих-то чувствах, и не изменял себе. Я развернулась к Санмонсу лицом, губы задрожали, но всё же прошипела:

— Тогда уж лучше умереть свободной!

Он скривил уголок рта, задумавшись. Не ответил, лишь едва заметно и нехотя кивнул, устремив взгляд куда-то в сторону. Я ощутила за спиной потерянные крылья, смакуя свою маленькую победу. Шэдо не смог отрицать того, что и сам бы охотно выбрал. Он никогда и никому добровольно бы не сдался.

Охваченная сомнениями и размышлениями, я не сразу заметила приближающегося к нам Войну. Шэдо напрягся, выпрямился, лицо его вновь сковала непробиваемая и нечитаемая каменная маска.

— Пытался украсть мою рабыню, Санмонс? — с хитрым прищуром поддел Всадник, окинув меня пренебрежитель-

ным взором. — А ты ослушалась, за что будешь наказана.

Я невольно сглотнула, прожигая этого ублюдка своей ненавистью, но его это только подпитывало. Он дёрнул меня за поводок так, что не удержалась на шпильках и упала ему под ноги. Прикусила щёку до крови, но не пискнула, постаралась мысленно отгородиться от реальности, лишь бы Шэдо не видел меня такой сломленной… Война ведь специально мучил, чтобы поизводить его, а я была бессильна противостоять.

— Я приказывал принести вина, — напомнил Всадник, сильно потянув за волосы на макушке, но я и в этот раз удержала жалобный скулёж за зубами.

— Вряд ли ты стал бы пить помои, — ровный безжизненный голос Шэдо отвлёк Войну на себя. Санмонс кивнул в сторону «хуёвого» фонтана, где от пирамиды бокалов, кем-то опрокинутой, остались лишь мелкие осколки, а вино из каменной головки лилось прямо на пол или сразу в рот тем, кто никак не мог напиться. Несколько из таких лежали тут же в луже, промокшие насквозь, а то и утонувшие.

— К тому же плохо следишь за единственным рычагом. Что бы стал делать, если бы с ней что-то случилось, м? — теперь уже Шэдо откровенно издевался, насмешливо ухмыляясь в лицо Всаднику. Война только закатил глаза, отпихнув меня так, что упала на бедро, но тут же сгруппировалась и отползла к перилам.

— Как будто ты сам позволил бы ей пострадать, — хмык-

нул он, что Санмонс немедленно парировал:

— Кто знает… То, на что ты сделал все ставки, весьма переменчиво.

Холодная липкая жуть окутала мою кожу колючим одеялом. Меня испугал его голос, и та тёмная безжалостная решимость, пропитавшая каждую букву. О чём он говорит? Он ведь блефует… блефует? Война рассмеялся, как дикий зверь. Надрывно, злобно, но в этом смехе слышалась странная давняя трагедия. Он ринулся ко мне, подхватил и буквально швырнул в руки Шэдо. Тот машинально поймал, даже не глядя на меня, продолжая сражаться в немом поединке со Всадником.

— Если тебе надоел шантаж, тогда просто убей её, — повёл бровью Война. — Убей её, и закончим этот цирк. Мы оба знаем, что глобально толку от неё никакого.

Я задрожала, боязливо подняв голову, чтобы убедиться, но лицо Шэдо оставалось хладнокровно бесчувственным, как и всё тело. Мои трясущиеся пальцы цеплялись за его плечи, ноги отказывались держать. Я знала, что Шэдо способен… не сомневалась… Единственное, что могло его остановить — моя значимость в планах. Но Война, похоже, владел куда большей информацией, чем была доступна мне.

— Чего ждёшь? — с усмешкой бросил Всадник. — Убей. И обеспечишь себе свободу. Или же признай, наконец, что попросту любишь её!

Моё сердце пропустило удар. Губы задрожали. Я подня-

ла на Санмонса недоверчивый взгляд, не веря, что подобное возможно, но отчаянно ища подтверждение, хотя бы намёк.

«Не может он любить меня! Я его уничтожила! Такое не прощают!»

Шэдо застыл, но быстро опомнился, вздрогнул, словно слова Всадника пробили ему грудь, сухим жестом отстранил меня от себя, крепко сжав зубы. На меня он не взглянул, кипел от злости, а Война только ухмылялся.

— Когда-нибудь сам запутаешься в своих интригах. Твоя ошибка в том, что считаешь себя умнее других. Но это не так.

Шэдо проигнорировал, отвернулся, но меня поразило то, насколько он задет.

Война больше его не трогал, он подошёл к балкону, сделал кому-то знак, и вокруг раздался скрежет, как будто скрипели натянутые невидимые тросы, опускающие плоскую квадратную платформу с натянутыми по периметру светящимися канатами. Своеобразный ринг.

Всадник прокричал так, что его услышали все, запертые внутри статуи.

— Турнир начнётся прямо сейчас! Вы будете биться друг с другом, и пусть победит сильнейший!

Платформа ползла всё ниже и ниже, пока не зависла в воздухе на уровне второго этажа. На ней сидел Голод с огромными песочными часами.

— Выиграет тот, кто останется на ногах на момент па-

дения последней песчинки! — Война раскинул руки, и его мощный командный голос сотряс стены статуи. — Да начнётся бой!

Оргия и обжорство на нижнем ярусе продолжались. Тем, чьими слабостями являлись похоть и чревоугодие, не было дела до бойни. Но остальные немного успокоились, потянулись на второй этаж, наполняя пространство вдоль балкона, вокруг ринга, жаждая зрелищ.

Те, кто записался ранее, неохотно выстраивались в очередь, мрачно и настороженно поглядывая на трёх Тёмных Наместников, гадая, станут ли те участвовать, а заодно и рассчитывая свои шансы против них.

Участников распределяли пьёны. Они же прикатили барный столик с бокалами и бутылкой вина для Войны, пока тот разминался, словно тоже готовился сражаться.

Меня пронзило нехорошее предчувствие, я вновь поискала в толпе Огнеяра, нисколько не сомневаясь, что тот ввяжется в эту сомнительную авантюру. Всё не может быть так просто… подвох буквально витал в душном спёртом воздухе. Чума стояла рядом с Мирэниелис, которая заняла очередь одной из первых. Они что-то оживлённо обсуждали, поглядывая на Войну. Мне казалось, что для Воительницы показать себя перед Всадником — дело чести и удовлетворение азарта, а не необходимость выиграть заветный приз.

Сняв пиджак и подвернув до локтей рукава рубашки, Война окликнул меня, кивнув в сторону столика.

— Налей мне выпить.

Мне не оставалось ничего, кроме послушаться. Я встала и поплелась, нащупав заветную ампулу. Пьёны ушли, оставив нас втроём. Идеальная возможность. Шэдо со мной согласился, проводив мимолётным, но напряжённым и многозначительным взглядом.

— Не желаешь выместить свою злость на мне? — обратился к нему Война, крутя головой и разминая шею. — Дружеский поединок, не больше. Обещаю не калечить.

— Не вижу смысла, — ответил Шэдо, медленно и естественно сместившись, встав так, чтобы Война, глядя на него, повернулся спиной ко мне. — Меня приз всё равно не ждёт.

Но как только я потянулась за ампулой, Всадник оглянулся с коварной улыбкой, и меня пронзил такой страх, что пальцы стали скользкими и неповоротливыми. Я сжала стекляшку в кулаке, тупо глядя перед собой на пустую бутыль и бокал.

«Дура! Чуть не выронила!»

Зажмурилась, постаралась взять себя в руки, уже не заботясь о том, насколько подозрительно выгляжу.

— А если на неё? Выиграешь, верну рабыню, больше её не трону.

— Ты и так не тронешь, и мы оба это знаем, — уверенно заявил Шэдо, но тут же продолжил, специально отвлекая Всадника. — Так что прекращай этот фарс и лучше расскажи, зачем тебе так понадобилось спасать меня ради возмож-

ности первым найти Царицу? Зачем было мешать Смерти просто использовать мою энергию? Могу подумать, что ты не желаешь, чтобы её нашли…

Я опешила от откровенности, от того, что Шэдо заговорил о таком напрямую, да ещё и в моём присутствии. Но что бы он ни задумал, это сработало: отвлекло Войну и дало мне достаточно времени для манёвра.

Резкий металлический звон гонга ударил по ушам и без того напряжённым нервам. Первый поединок начался. На ринг вышла воинственная наместница Мирэниелис против какого-то низкорослого тёмного. Толпа взревела. Но исход поединка был предрешён задолго до того, как упала последняя песчинка в перевёрнутых часах Голода.

Пьёны унесли побеждённого, за которым тянулся яркий след чёрной крови.

Мирэниелис подняла окровавленный меч и отсалютовала им Войне, после чего гордо спустилась в зал под ликующие вопли, уступив место следующим участникам.

Всадник мимолетно отвлёкся на происходящее внизу.

Слушая их краем уха, я еле как выдернула пробку и наполнила бокал до краёв. Дело оставалось за малым. Война поднял руки над головой, потягиваясь. Он думал над ответом, что прозвучал недобро и раздражённо:

— А если и не желаю, то тебе-то что? Скажи спасибо, что жив, и не суйся, куда не следует.

Шэдо усмехнулся так самоуверенно и нагло, что мне ста-

ло не по себе. В глубине его зрачков вспыхнули искорки засыпанной снежной крупой ярости. Взрывы звёзд в матовой тьме космоса. Он был спокоен, сосредоточен и до жути серьёзен.

— Я буду соваться, куда не следует, и ты это знаешь. И без меня твой план развалится, потому тебе лучше ввести в курс дела, иначе могу подумать, что ты попросту на её стороне…

Словно удар под дых. Война замер, неторопливо опустил руки. Я не видела его лица, но вся поза, положение рук и ног, напряжённые плечи, сведённые вместе лопатки, кричали о готовности к прыжку, к стремительной и смертоносной атаке. Страх тонкой раскалённой иглой кольнул сердце, я распахнула глаза и попыталась предупредить Шэдо одним красноречивым движением зрачков, но Санмонс не обращал на меня внимание.

— Будь я на её стороне… прихлопнул бы тебя сразу и выдал за несчастный случай, — тихо и с нескрываемым бешенством протянул Война, источая угрозу каждым мускулом, аурой, видом. Наседая, подавляя, разрывая на части.

Мне стало трудно дышать, но Шэдо оставался невозмутим, будто не ощущал давящей, бушующей энергии, которая, словно дрессированный бойцовый пёс по команде хозяина, мгновенно остыла, сошла на нет. Война расслабился, продолжая умиротворенно упражняться.

— В своих попытках угадать мотивы, ты кое-что не учёл, — продолжил говорить он снисходительно и мягко, как с

неразумным мальчишкой. — Царица… тоже моя сестра, Санмонс. Быть может, я храню надежду образумить её, а не пленить, и в этом наши планы со Смертью расходятся?

Шэдо перенял его высокомерную манеру речи, чуть склонив голову и невинно моргнув.

— Быть может, знай я о происходящим чуть больше, мог бы помочь, нашёл собственный выход… Никогда не отрицал силу дипломатии.

«Но при этом всегда шёл напролом, разрушая всё на своём пути», — мелькнула в голове тревожная мысль.

Склянка хрустнула едва слышно, но от страха, что Война услышит и обернётся, у меня сердце рухнуло в пятки. Но Всадник был слишком сосредоточен на дерзких словах Шэдо и ничего не заметил. Вылив кровь в вино, я чуть поболтала бокал, молясь, чтобы янтарная жидкость никоем образом не поменяла цвет. Спрятала пустую ампулу, подошла к Войне, с поклоном протянула бокал. Всадник выхватил его, поднёс к губам, всё ещё находясь во власти размышлений, помедлил, опустил взгляд, и меня едва не захлестнула паника.

«Он понял, он раскусил!»

Но не успела я от страха даже поднять взгляд на Шэдо, надеясь получить хоть намёк на дальнейшие действия, Война осушил бокал залпом. Смотрел лишь на Шэдо, гневно, долго и задумчиво. И, наконец, выпалил:

— Мы поговорим о причинах и следствиях, если я смогу в полной мере тебе доверять.

Пары на ринге сменялись так быстро, что я не успевала запоминать победителей и побеждённых, не все из которых выживали. Кто-то лишался конечностей, был задушен или зарублен. Воздух наполнился едким запахом железа. Меня затошнило.

Санмонс зловеще ухмыльнулся.

— Мало того, что выбора у меня нет, так я должен ещё и доверие заслужить?

Война буквально кинул пустой бокал мне в руки, тыльной стороной ладони грубо стерев остатки напитка с губ. Он как будто и вовсе забыл о моём присутствии.

— Пока что ты лишь пешка. Посредник между мной и Монрейн. Но рвёшься в ферзи.

Зрители, напившиеся крови и разогретые представлением, снова неистово взревели. На ринг вышел Огнеяр. Мощный и свирепый. Рельефные мышцы перекатывались под красноватой натянутой кожей, вены налились пламенем, глаза горели яростью. Ему в пару выставили не менее громадного бритоголового воина с рогами и хвостом.

Я так сильно сдавила ножку бокала, что та треснула, и это не укрылось от вездесущего внимания Войны. Он дёрнул уголком рта, с интересом глянув на ринг, потом снова на меня. Волнение и дрожь отпечатались на моём лице, бесполезно скрывать. Гонг оглушил, я вздрогнула. Каждая атака против Огнеяра, любой выпад двуручного меча с шипастым лезвием, направленным в грудь Владыки Низовья, заставлял

моё сердце подпрыгивать и замирать. Мне было плевать даже на Всадника и его насмешки. Яри уворачивался, яростно атаковал, снова уворачивался, но время меж тем капало, а оба противника оставались на ногах.

— Ты глянь, Санмонс. А наша общая игрушка, похоже, влюблена в того сопляка, — издевательски рассмеялся Война, подойдя ко мне. Приобнял за талию, но я оттолкнула его, вывернулась, не скрывая отвращения.

— Помню, с каким рвением они защищали друг друга, когда я напал на ваш мир. Он даже сумел переступить через свою гордыню, лишь бы она не пострадала.

Он ласково заправил прядь моих волос за ухо, игриво прикусив мочку и прошептав:

— Скажи, тебе больше нравится, когда он трахает тебя в облике монстра или в том, что больше подходит по комплекции?

«Пошёл ты нахуй…» — рвалось с языка, но я не рискнула выпалить это. Ни к чему провоцировать больного урода и ставить себя в ещё более шаткое положение.

Мне хотелось провалиться сквозь пол, сгорая от стыда. Я зажмурилась, покрываясь жгучим румянцем до самых ушей. Почему-то боялась посмотреть на Шэдо, страшась увидеть… что? Губы помнили его поцелуи… тело отзывалось на прикосновения горячих умелых пальцев… в тот миг я уж точно не думала ни об Огнеяре, ни о ком другом. Но разве я что-то должна ему? Обязана оправдываться? Нет!

Шэдо бросил на ринг холодный безразличный взгляд и не посчитал необходимым как-либо комментировать.

— Сделаем ставки? — Война нетерпеливо облизнул губы, схватив меня за локоть и подтащив к краю балкона. — Как думаешь, мальчишка одолеет солдата Мирэниелис? Она упорно тренирует каждого из них, превращая в бесстрашных воинов, машин для убийства.

Холод сковал мои внутренности от его слов. Но Огнеяр держался уверенно, не уступал, хоть противник наседал на него, вынуждая занимать оборонительную позицию.

— У Огнеяра опыта достаточно, — сухо бросил Шэдо, не особо заинтересованный в происходящем. Отгородился от всех, заперся в каменные, залитые льдом стены. Хотелось бы мне узнать, что скрывается под прочной маской невозмутимости…

Он оказался прав. В момент падения последней песчинки Огнеяру всё же удалось хитростью и проворством повалить врага. Звякнул гонг. Голод объявил победителя.

Соперник, вскочив, кричал что-то, пытался оспорить, кидался в драку, но пьёны уволокли его с ринга и бросили под ноги Мирэниелис, а та быстро одним взглядом и парой грозных реплик усмирила пыл проигравшего.

Я незаметно облегчённо выдохнула. Но поторопилась окунаться в надежды, что самое худшее позади. Когда половина участников отсеялась, Война вновь обратился к толпе.

— Вы храбро сражались и доказали, что достойны дви-

гаться дальше. Теперь каждый из вас должен выстоять против меня!

Толпа ахнула, не ожидавшая такого поворота. По ней прокатилась волна страха и предвкушения. Я невольно зажала рот обеими ладонями, давя царапающий горло вскрик. Голод снова ударил в гонг маленьким золоченым молоточком, потёр ладони, кивнув пьёнам, что начали снова приглашать бойцов на ринг.

Но смельчаков поубавилось. Никто не решался выступить против Всадника первым.

— Кто желает попробовать свои силы? — задорно выкрикнул Голод, но все молчали.

Тогда Второй Всадник разочарованно вздохнул, подозвал безликих слуг, которые принесли ему книгу. — Тогда буду вызывать, согласно записи! — усмехнулся он, и по залу пронёсся вопль ужаса. Толпа зашумела, перекрикивая музыку.

— Мы на это не подписывались!

— Не желаем подохнуть, как скот!

Но среди простых зрителей тоже нашлись недовольные:

— Вы сами вписали свои имена, жалкие трусы! Имейте мужество идти до конца!

— Бой! Бой! — завопили другие, ритмично колотя по чему только можно.

Голод громогласно назвал первое имя из списка, и обречённый бедолага сразу был найден. Он упирался, сопротивлялся, но его волокли к рингу свои же под одобритель-

ные возгласы, улюлюканье и смех остальных. Тёмный трясся всем телом, когда пьёны вручали ему меч, выронил его трижды, на четвёртый раз ещё и шлем упал с головы. Поединок ещё даже не стартовал, а первый участник того гляди не доживёт до выхода Войны.

Его страдания оборвала Мирэниелис чётким и выверенным ударом меча. Отсекла голову, что, вновь потеряв шлем, отлетела в толпу, и та загудела, подбадривая Воительницу.

— Трусам не место среди тёмных! — её голос громыхнул выстрелом, вселяя уверенность и решимость, мотивируя, вдохновляя и подталкивая к риску. — Я иду первой! И докажу, чего стою!

— Вот это рвение! — одобрительно хлопнул в ладони Голод.

Воительницу поддержали аплодисментами её подданные и многие другие. Они выкрикивали лозунги на неизвестных языках, молились на неё, тянули с обожанием руки.

Второе и третьи места занимать не отваживались, но после очередь из записавшихся постепенно выстраивалась. Самые отчаявшиеся, храбрые, самонадеянные или решившие, что лучше умереть, чем существовать в страхе.

— Эх, люблю смелых, — Война втянул носом воздух, вдохновлённый и готовый убивать. — Санмонс, дай знать, если передумаешь. Буду рад проучить тебя на ринге.

— Если я выиграю, ты отдашь мне то, что попрошу, а также предоставишь всю необходимую информацию, идёт?

Мне осточертели игры, — неожиданно как для меня, так и для Всадника предложил Шэдо, уверенный в своей победе, но Война окинул его изумлённым взглядом. Он засомневался, хмыкнул, покачал головой.

— Для этого тебе придётся не только выстоять, но и уложить на лопатки меня. Сумеешь?

Шэдо не ответил, лишь поджал губы, прищурившись. Мысленно взвешивал риски и возможности, пока Война, сняв рубашку и обнажив покрытый жуткими многочисленными шрамами торс, взял свой меч и, подмигнув Голоду, стал спускаться к рингу, чтобы сразиться с Мирэниелис.

Я на негнущихся ногах подошла к Санмонсу, который внимательно смотрел вниз, готовый уловить и запомнить каждую деталь, любое движение Всадника, чтобы… найти его слабые места?

— Ты… в самом деле будешь с ним драться? — спросила я сухими от волнения губами, на что он усмехнулся.

— Не люблю цирковые выступления, но это шанс…

— Шанс для чего? — не поняла я, но Шэдо не счёл нужным пояснять.

Звякнул гонг, и первый поединок был объявлен открытым. Голод перевернул часы, что высотой доходили ему до пояса, и песок начал медленно сыпаться из верхней чаши в нижнюю. Мучительно медленно…

Мирэниелис налетела на Войну с яростным кличем, целясь клинком в незащищённое горло, но он легко, играючи

парировал. Она отпрыгнула, ловкая, как кошка. Улыбнулась, принялась обходить соперника по кругу, пока Всадник лишь лениво следил за ней и изредка бросал колкости. Для него это забава, а не бой.

— Я предупреждаю, что всё время избегать сражения, ходя кругами, нельзя, — напомнил Голод, глотнув вина прямо из бутылки.

Толпа заверещала, стоило клинкам вновь сойтись. И Всадник, и Наместница двигались так быстро, что человеческому глазу не уловить каждый выпад. Они едва не падали с ринга, сцепившись в жарких смертоносных объятиях. Вокруг улюлюкали, кричали, сходили с ума.

Очередной пируэт окончился тем, что Мирэниелис оказалась на четвереньках, а Война навис над ней сверху, обхватив горло сгибом локтя, а второй рукой держа за волосы, запрокинул голову. Пот стекал по их телам, блестел на коже в неровном свете прожекторов. И казалось, что они занимаются любовью, а не борются. Ещё немного, и Воительница бы лишилась головы, а не только гордости, но упала последняя песчинка, и Голод ударил молоточком в подвешенную медную тарелку.

Воительницу стащили с ринга почти без сознания, её тут же окружили слуги. Чума тоже показалась среди толпы, чтобы поддержать подругу.

Война схватил протянутое ему полотенце, промокнул шею, поднял меч и приготовился биться дальше.

Следующие противники один за одним умирали от руки Всадника. Ринг стал мокрым и скользким от пролитой крови и выпавших внутренностей. Такое чувство, что все смотрели на казнь, а вовсе не на турнир.

Тела как ни в чём не бывало убирали, зрители пили, ели, свистели, словно их черёд никогда не наступит.

— Всадники же… должны защищать тёмных, потому что их гибель сделает Царицу сильнее… почему же?

Шэдо в ответ только сжал губы. Собранный, сосредоточенный, стальной.

— Не всё так однозначно…

Я хотела ответить, но слова буквально обратились в пепел на языке, когда на ринг вышел Огнеяр. Мэгори тянула его за руки, в истерике пытаясь остановить, но её оттащили.

— А ты весьма популярен среди девиц, — рассмеялся Война, и толпа взревела от удовольствия.

Гонг прозвучал приговором. Заставил задрожать, закрыть руками лицо, хоть как-то отгородиться от этой безумной реальности.

Звон мечей, рычание и крики слились в единую какофонию звуков. Я старалась дышать медленно, чувствуя, как меня мутит всё сильнее. Ощутила резкую слабость, словно сейчас упаду в обморок, попятилась от балкона, села на пол. Так сильно зажмурилась, что из-под век проступили слёзы. Нет, не могу смотреть. Воспоминания вспыхнули, отдаваясь тупой отравляющей болью за рёбрами. Лико… он тоже вышел

в бой против Шэдо и был убит, а теперь то же самое может случиться с Огнеяром.

Хруст костей, всполох огня, рёв боли и хохот Войны.

— Бойкий мальчишка, мне такие нравятся.

Снова тошнотворный влажный хруст и снова сдавленный крик агонии. Мне хотелось зажать уши, просто проткнуть барабанные перепонки, чтобы вообще ничего не слышать.

Этого урода ничто не остановит. Нет поблизости такой силы!

Глухой удар, свист хлыста, прорезавшего воздух. Крик уже тише.

— Не бойся. У него есть шансы выжить. Война просто забавляется, — услышала сквозь шторм душащих рыданий спокойный голос Шэдо. Он смотрел на меня, наблюдал, совершенно потеряв интерес к бою. К бою ли? К пыткам! Издевательствам! Убийствам! Но не приближался, сохранял дистанцию.

Я нервно, злорадно рассмеялась, покачав головой.

— Как же… столько же, сколько было у Лико против тебя…

Тут же умолкла, пожалев о сказанном, медленно отняла руки от лица, подняла затравленный взгляд на Санмонса, но тот уже отвернулся, внимательно наблюдая за происходящим на ринге. Поднялся вой, сквозь который отчётливо проступали истеричные рыдания Мэгори. Предчувствуя худшее, я подползла к балкону. Астарот и Левиафан держали плачу-

щую подругу, что неугомонно рвалась к рингу.

Огнеяр стоял на коленях, весь испещрённый порезами, залитый кровью, почти лишённый сознания. Из его ног торчали кости. Руки тоже безвольно висели. Война казался довольным и даже немного потрёпанным, он занёс меч над шеей Яри, но лезвие замерло в воздухе со спасительным ударом гонга.

Произошедшее не сразу дошло до воспалённого разума, а когда осознание всё же накрыло, я завалилась на спину и расплакалась от облегчения.

А когда немного пришла в себя, услышала решительные шаги Шэдо по направлению к лестнице.

«Чёрт побери, он же несерьёзно!»

Обернулась, инстинктивно протянула руку в попытке остановить.

— Нет… не оставляй меня!

Голос дрожал, выдавал истощение и волнение, так близко подошедшие к апатии.

Шэдо остановился, чуть повернул голову. Напряжённый, готовый убивать. Его взгляд напугал меня, я уже видела такой… во время нашей финальной битвы. Если он что-то решил, то не отступится, вцепится зубами в плоть врага и не отпустит, пока не умрёт.

Я упрямо поднялась на ноги, побежала за ним, настрыно схватила за руку в неистовой попытке вразумить. Его ладонь была сухой и горячей, а безжалостный взгляд на миг смяг-

чился, когда Санмонс посмотрел мне в глаза.

— Я… боюсь потерять ещё и тебя.

Это правда. Хватило мне сполна страха и переживаний после эксперимента Смерти. До сих пор дрожь пробирала. Но Шэдо никогда не прекратит рисковать.

Уголки его губ дрогнули и приподнялись в странной улыбке. Он поднял руку и невесомым касанием подушечек пальцев погладил меня по щеке.

— Ты меня не потеряешь. Не сегодня, — прошептал он.

— Всё равно береги себя! — я, перестав отдавать себе отчёт и наплевав на всё, приподнялась на носочки и поцеловала его в губы. Коротко, но чувственно. Он отпрянул, даже растерялся, но сохранил самообладание и медленно выдохнул, сжав ладонью мои трясущиеся пальцы.

— Найди выход отсюда. Беги в дом Голода, доберись до портала, — он умолк, скривив губы, словно хотел сказать что-то ещё, но передумал и снова приказал. — Не медли.

***

Перед ним расступались. На него смотрели с удивлением, опаской и презрением. Шептались, не сошёл ли он с ума, ведь любимчик Всадников не в одной лодке с остальными.

Огнеяра стащили с ринга, Мэгори рыдала над ним и вытирала кровь с лица своим платьем. Левиафан встретил многозначительный и прямой взгляд Шэдо, едва заметно кивнул,

отвернулся, шепнул Астароту, что пора уходить. Искать выход, выбраться.

Офелис осталась на третьем этаже, разбитая, но упрямая. Шэдо некогда размышлять над её словами о Лико, некогда забивать себе голову мыслями о ней и Огнеяре, хотя даже мимолётная тень колола лёгкие мелкими иглами ревности. Он задушит, не даст огню превратиться в неистовое и беспощадное пламя. Однажды уже позволил себе слабость увлечься этой женщиной. Позволил и погиб. Но в висках колотилась её мольба: не оставляй, не оставляй!

— На этом всё?! — со смехом и запалом прокричал Война, направив острие меча в зал. — Больше никто не желает сразиться за свободу?!

Толпа зевак поутихла. Душный воздух наполнился стонами, визгами и кислой аурой страха. Воняло потом, кровью, обугленным мясом. Шэдо поднял руку вверх, привлекая внимание. Всадники удивлённо переглянулись.

Голод, уже собравшийся спрыгнуть, сел обратно, хохотнул, потирая руки. Достал сигарету, закурил.

— Становится интереснее.

Война опрокинул бокал вина. Стёр с меча кровь, наскоро проверил остроту лезвия, пока Шэдо поднимался и готовился. Молча неторопливо снял рубашку, повесив ту на один из четырёх столбиков по краям ринга, медленно покрутил головой, разминая шею. Ему принесли меч, но он отказался, на что по толпе пронёсся вздох изумления.

Мерзкое сборище кретинов. Шэдо презирал каждого из них, да так, что этим презрением можно было затопить всю полую статую и весь город.

— Не лучший способ покончить с собой, Санмонс, — рассмеялся Война, и зрители повторили за ним, свистя и подбадривая своего кумира.

— Надеешься таким способом сбежать от проблем?

Шэдо ещё раз взвесил риски, но не дал себе возможность сомневаться. Главное, подавить эмоции… Не злиться, не ненавидеть. Заковать чувства в сталь.

Война его не обезглавит, максимум унизит, но Шэдо плевать, если в итоге он добьётся желаемого.

Он повернулся к Всаднику, просчитав свои и чужие преимущества. Война пьян, покрыт потом, левое плечо кровоточило сильнее прочих порезов, но Всадник как будто и не замечал своих увечий. Выглядел бодрым и чересчур радостным. Его глаза горели неподдельным азартом.

— Бонусом за то, что вызвался, не стану использовать свою силу и провоцировать. Хоть и интересно оценить весь твой потенциал, — ухмыльнулся Война, но Шэдо не снизошёл до благодарности. Лишь сухо бросил:

— Весь потенциал способны оценить только враги, а у нас вроде бы «дружеский поединок».

Всадник прищурился, оценив остроту. Он плюнул на пол и с охотой кивнул Голоду.

Дзынь. Удар гонга заставил толпу замереть в предвкуше-

нии. Шэдо медленно выдохнул, всецело обратившись в ощущения и реакции тела. Машина, запершая под замок все эмоции.

Война первым сделал выпад мечом, лениво и несерьёзно. Лезвие свистнуло перед лицом Санмонса, но тот без труда уклонился. Лишённый оружия парировал атаку тёмным энергетическим шаром, который Всадник без труда отбил плоской стороной клинка.

— Хм… — хмыкнул Война, обходя кругом и не сводя глаз с Шэдо. Двигался ловко, уверенно, не глядя.

Новый выпад, и Санмонс поднырнул под лезвие, увеличил скорость, молниеносно оказался рядом со Всадником и ударил тёмной энергией с близкого расстояния. Война не ожидал, он отлетел к канатам, на груди разверзлась жуткая рана, обугленная по краям. Но Всадник тут же вскочил. Всякий намёк на улыбку исчез с его губ. Он принялся наступать, замахал мечом так искусно, что тяжело было предугадать новый удар и отреагировать. Но Шэдо достаточно наблюдал за сражением, чтобы просчитать алгоритм. Война привык к одним и тем же манёврам, хоть и изменял их последовательность. И Санмонс понимал, как увернуться от каждой атаки. Дело оставалось за скоростью.

Быстро, ловко. Он бесил Всадника, исподтишка выбрасывая сферы, жалящие, словно рой пчёл. Война стискивал зубы от злости, пот лился по его спине и лбу. Но он лишь усиливал напор, пытался загнать Шэдо в угол, несколько раз попал.

Лезвие рассекло бледную кожу на животе и левой груди, и по ней потекли тонкие ручейки крови. Вены налились силой, но броня чувств трещала от натуги. Война не сдержал слова, подключил влияние, старался достать ненависть, дотянуться и освободить. Если поддаться, поражение неминуемо.

Удар. Удар. Уклонение.

Сферы вспыхивали облаками ядовитого дыма и гасли, рассеивались. Война стискивал зубы, скрипел ими всякий раз, как не успевал отбить удар.

Наконец, не выдержал, взревел, с испепеляющим гневом отшвырнув меч, и ринулся к Шэдо, меняя тактику боя. Ударил кулаком в челюсть, и Санмонс отлетел в угол, сплюнул кровь, хрипло рассмеялся. Вскочил, увернулся, попал Всаднику локтем в нос, входя в раж, чувствуя, как безумие боя тянет к нему щупальца, стремится охватить, заставить потерять контроль. Но ему нужно не это. Иначе нет смысла в этом цирковом выступлении. Шэдо гнался за истиной.

Война снова зажал его в угол, начав бить, приговаривая, что давно пора выбить из него спесь, проучить, заставить покориться. Шэдо не чувствовал боли, он целиком сосредоточился на цели. Звуки слились в единый гул, в котором чётко слышался голос Чумы:

— Ты с ума сошёл?!

Но Война не слышал, утонувший в болоте собственной силы, охваченный ненавистью. Вот оно. Шэдо схватил его за руку и резко вывернул. Хруст.

— Ах, ты сучонок, — прорычал Всадник.

Удар слева, Санмонс ловко поднырнул под руку, и чётким движением ударил в кадык. Война захрипел, закашлялся, отшатнулся так резко, что поскользнулся на чьих-то внутренностях и упал на спину. Из его рта посыпалась нечленораздельная ругань вместе с довольным каркающим смехом.

Гонг никто из противников даже не услышал. Шэдо успел вцепиться в канат пальцами, удерживаясь на ногах.

— Всё, хватит! — объявил Голод с нервозностью в голосе.

В часах упала последняя песчинка. Но Шэдо уже не осознавал происходящее, он получил то, чего желал.

***

Цепи в кромешной пустоте источали неестественный яркий и холодный свет. Они крепились к самому небу, сковывали тонкие запястья женщины, что висела безвольной куклой над бездной. Измученная, ослабленная. Голова опущена, длинные чёрные волосы падали волнами на лицо. Под её ногами бесновался мрак, словно живое неистовое в своей ярости существо. Оплетал цепи, дёргал, но обжигался, отступал и атаковал снова. Бесполезно, они держали крепко.

— Убей меня!!!

Пронзил высокий визг уши Шэдо, давя на виски, наседая, стремясь расплющить. Он сморщился от нестерпимой головной боли, согнулся пополам. Голос напоминал Офелис, и в

какой-то момент ему действительно показалось, что он видит её на цепях.

Но нет. Громкий хлопок крыльев, от которого содрогнулась бездна, вернул его внимание к происходящему.

Дракон выдохнул алое пламя, прорезающее живые облака тьмы, несмотря на сопротивление. Принуждая их расступиться. Зверь рассёк пространство с диким рёвом, обступающая темень причиняла ему боль. Всадник спрыгнул со спины и без труда удержался на невидимой платформе в пустоте, подошёл к женщине, обхватив обеими руками её лицо, поднял, убрал волосы жёсткими мозолистыми пальцами.

— Монрейн… — горячо и взволнованно выдохнул он, сжал зубы, взглянув на цепи. Снова всмотрелся в измождённое, но не утратившее упрямства и злости лицо любимой.

— Пришёл ослабить меня? Убирайся. От тебя нет никакого толку! Как и от Смерти, — шипела она, отталкивая. Тьма сгущалась над головой Войны, норовя поглотить, раздавить, сжечь, но он не собирался отступать.

— Смерть сказала, что ты просила её убить тебя… О чём ты только думала, Монрейн? Без тебя не станет и всех нас!

Она расхохоталась. Громко, надрывно, презрительно.

— А мне-то что с того? Вас и не должно было быть. Вы — плоды наших ошибок…

— Не говори так… мы ведь семья…

Всадник снова обхватил её лицо, с жаром впился в губы, требуя ответа, но она не отвечала. Сопротивлялась, от-

ворачивалась, укусила его за нижнюю губу, сомкнула зубы на языке, и он отшатнулся, вытирая окровавленный рот.

— Не смей ко мне прикасаться! — ядовито выплюнула она. — Ты ещё не понял? Саншайр заметил твои чувства. Он уничтожит тебя за одну только мысль!

— Плевать! — прорычал в ответ Война, вынув меч. Его глаза сверкнули безумной решимостью. — Плевать, что будет со мной. Я его не боюсь, я лично его убью!

Взмах, глухой свист. Лезвие обрушилось на цепь, высекло звон, прошедший вибрацией по пустоте, и искры, осыпавшие голову Монрейн. Но те устояли. Война не сдавался, рубил и рубил, вкладывая в удары всю свою силу и ненависть. Пока не выбился из сил, и тогда Царица покачала головой.

— Так не получится… забери мою…

Всадник в недоумении вскинул брови. Но вдруг понял, о чём она. Бросил клинок в ножны, снова приблизился к ней, крепко обнял и закрыл глаза.

Мрак вдруг задрожал. Скопившиеся облака боли и ненависти взметнулись, заклубились, закрутились водоворотом и ринулись во Всадника. Атаковали тело, проникли в плоть, просочились, питая его мышцы. Он сдавленно закричал сквозь зубы, с трудом удерживая в себе такую мощь. Ненависть Царицы смешалась с его собственной. Она совсем ослабла, погрузилась в апатию, словно только эта злость и держала её наплаву.

Война схватился за цепь, не обращая внимания, что та

прожигает кожу до самой кости. Рванул, второй рукой обхватив талию безвольно повисшей на нём Монрейн. И наполненные светом звенья разлетелись, точно светлячки. И погасли.

Всадник подхватил Царицу на руки, нежно прижал к себе, всё ещё дрожа от переполнявшей его тьмы. Свистнул, подозвав дракона.

Но тут заметил тонкую сгорбленную фигуру, что парила над пустотой, медленно приближаясь к ним.

— Ты совершаешь ошибку… — слабым голосом упрекнула Любовь. Она была больна, бледна, как снега, окружающие чертоги Смерти, тряслась, еле стоя на ногах, обнимала свои плечи костлявыми ладонями. — Роковую ошибку.

Глава 5 И вспыхнет пламя

Шэдо пришёл в сознание, ощутив прикосновение ледяных пальцев к своему лбу. Его гладили по волосам, перебирая и расчёсывая пряди, нежно, словно материнской рукой. Он быстро понял, что и его голова лежит на чьих-то коленях, почувствовал биение сердца над ухом, услышал мелодичное, убаюкивающее нежное пение — отразившееся болезненным эхом и тяжестью в груди.

«Мама?» — тревожная мысль, опасная.

Ему показалось, что как только откроет глаза, увидит светлое и полное любви лицо Лирагрес. Ложь. Ловушка. Призрачная надежда. Он дёрнулся в попытке вскочить, но тело онемело. Чужие руки властно и раздражённо вернули

его голову в исходное положение, и Шэдо, яростно стиснув зубы, распахнул глаза. Но никого не увидел: лишь бесконечную тьму, опутавшую его паутиной. Ледяную бездонную мглу, частью которой являлся. И чем дольше смотрел в нависшую над ним пустоту, тем отчетливее видел очертания её лица.

— Тише, дорогой, — прошептали губы Царицы и тут же изогнулись в ядовитой колючей усмешке. — Ты ведь любишь подсматривать чужие воспоминания, почему же так ревностно оберегаешь свои?

Он не ответил, лишь сглотнул, прожигая её ненавистью. Не мог пошевелиться, не мог ничего сделать, попался. Ждал, готовый к броску, к любому выпаду. Не тешил себя иллюзиями, но собирался умереть с широко открытыми глазами.

Монрейн склонилась над ним. Её дыхание пахло свежестью зимней ночи в горах, жёсткие чёрные волосы упали ему на лицо, щекоча напряжённые скулы. Шэдо поморщился, испытывая отвращение. Светлая его часть взбунтовалась, в то время как тёмная иррационально тянулась к первородному источнику своих сил.

— Боишься, что убью? — она улыбнулась, обнажив белые зубы с заострёнными клыками, но эта улыбка не коснулась холодных проницательных глаз.

Он, как мог, качнул головой и сильнее сжал челюсти. Царица усмехнулась, проскользив взглядом по чертам его лица, смакуя, разглядывая каждую: лоб, глаза, подбородок, нос,

губы…

На них остановилась, хмыкнула, тронула пальцами. Провела подушечкой большого пальца вдоль сомкнутой линии рта от уголка к уголку. Шэдо дёрнулся, не позволяя, глаза вспыхнули презрением и неприязнью.

«Не трогай!» — приказал он мысленно, потому что не мог говорить, но хлёстко, бескомпромиссно.

Однако Монрейн не обратила внимания, лишь ностальгически вздохнула.

— Что ты почувствовал, увидев меня на цепях? Такую слабую… почти беспомощную… всеми забытую…

Она прищурилась. Волосы поднялись в воздух, влекомые несуществующим порывом ветра, слились с окружающим вакуумом, стали колыхаться в нём, будто погружённые в воду. Царица требовала ответа, но, поняв, что не дождётся, продолжила:

— Тебе ведь знакомо это чувство? Одиночество… и бессилие. Я потеряла всё, что любила. Моя семья отвернулась от меня.

Голос с нотками стали и инея звучал одновременно отовсюду: из пустоты и глубин сознания Шэдо. И внешний, и внутренний, вездесущий.

Шэдо снова дёрнул головой, стараясь отстраниться как можно дальше от её руки, сумел презрительно оскалиться и спросил всё так же мысленно:

«Хочешь, чтобы я сочувствовал?»

Черты лица Монрейн, до этого мягкие и приветливые, ожесточились, стали грубее, а взгляд — беспощаднее.

Санмонс почувствовал, как само пространство сдавливает его, мешая дышать, того гляди разорвёт на части. Если бы мог, ощутил, как лютый мороз уже лижет ноги и руки, высасывая жизнь и тепло, обращая конечности в матовое стекло.

— Ты — достойное создание, но с огромным изъяном, — сказала Царица, раскрыв ладонь и растопырив пальцы, от которых вытянулись длинные когти, сотканные из чёрного дыма.

Она прижала руку к груди Шэдо прямо поверх сердца. И его тело прострелила мощная судорога. Словно всё его существо воспротивилось скорой гибели, кровь забурлила, согревая затёкшие мышцы, питая силой. Но этой силы оказалось недостаточно. Свет внутри него сиял, сопротивлялся обступившей кругом мгле, но тьмы в нём самом всё же было больше, и она покорно тянулась к первоисточнику.

Он понял, что это конец. Подумал, что Монрейн высосет его душу, если уже это не сделала, но вместо опустошения ощутил прилив сил. Тёмная энергия самой Царицы хлынула в него, заглушая всё хорошее, что ещё оставалось нетронутым глубоко в сердце.

Шэдо не собирался допускать этого, сопротивлялся на пределе возможностей, беззвучно кричал, но напор был слишком велик… Сила… разрушительная мощь, с которой не совладать. Которую не обуздать, не подчинить, не остано-

вить… Сам Хаос.

Он судорожно вдохнул, чувствуя, как яд растекается по венам и артериям, и уже не надеялся, что сможет дышать снова.

Очнулся резко с шумным захлёбывающимся вздохом и обнаружил себя повисшим на канатах ринга, стоящим одним коленом в луже крови. Дико осмотрелся: толпа вопила от восторга, удовлетворённая зрелищем. Война вскочил, раздражённо размял шею, откашлялся, отбросил прилипшие к спине волосы, взглянул на Шэдо так, словно сейчас разорвёт, тут же успокоился, довольно и удивлённо усмехнулся.

— А ты умеешь удивлять, Санмонс, — бросил Всадник.

Голод с беззаботной ухмылкой протянул брату полотенце, чтобы тот вытерся. Война сперва проигнорировал, но, когда Голод швырнул подачку ему под ноги, всё же поймал и принялся педантично стирать чужую кровь со спины и груди. Казалось, он ничего не понял, и прошли считанные мгновения, но Шэдо всё ещё чувствовал влияние Царицы. Оно будоражило, разрасталось, остужало кровь, притупляло разум и голос совести… Медленно сводило с ума…

Он вцепился в тугой грубый канат, сдирая ладони и игнорируя тупую боль во всём теле после ударов Всадника. Под аплодисменты и похожие на вой чудовищных порождений возгласы восхищения, направился прочь с ринга.

— Эй, куда собрался? — окликнул его Война. — Ты у нас звезда вечера, послушай, как они вопят.

Он обвёл жестом руки публику, которая заметно поутихла, опасаясь навлечь на себя гнев за то, что рукоплещет созданию, сумевшему одолеть Всадника. Шэдо не отреагировал, и тогда Война кинул в него полотенце, что влажной тряпкой повисло на плече.

— Вытрись хоть.

Но он тут же отбросил ткань на пол, спрыгнул на трап. Зрители расступались, пропускали его, провожая угрюмыми и полными обожания и зависти взглядами.

— Что ж, Тёмный Наместник отстоял своё право на жизнь! — громогласно объявил Война, позабыв о Шэдо и обратившись к толпе. — Но он не единственный победитель!

Все затаили дыхание, а со своего сиденья поднялся Голод.

— Мирэниелис, Огнеяр…

Он принялся по именам перечислять тех, кто выстоял в поединке, и они по очереди выходили на ринг, ожидая своей участи и награды. Огнеяра под руки держали Мэгори и Астарот. Тот пребывал на грани потери сознания.

Их было не так много, но в измождённых лицах притаилась робкая надежда.

«Глупцы», — раздражённо подумал Шэдо, остановился, провёл ладонью по лицу, стирая бурую пелену с глаз.

Голова гудела и раскалывалась, он всё ещё слышал чужой голос… смех, пробирающий до костей. И клялся себе, что Царице не удастся заставить потерять контроль.

Он тяжело дышал, перебарывая всё возрастающую тьму,

что кровожадно скалилась, рвалась на свободу… Слабость Монрейн отзывалась в нём чем-то давним, пробуждало смутное понимание, но не сочувствие. Он не позволит себе сочувствовать врагу.

«Ты проиграешь бой в тот миг, когда в тебе проснётся жалость к неприятелю».

Шэдо сжал кулаки, припав лбом к выросшей на пути колонне. И сквозь грохот крови в висках услышал голос Войны:

— Всех победителей отныне я заберу в своё царство. Станете прислуживать мне лично, потому что достойны этого.

По залу прокатилась сдавленная волна недоумения, шока, недоверия… И она уверенно набирала силу, норовя обрушиться стихией.

— Что?! И это приз? Ради этого мы рисковали и проливали кровь?

Санмонс тихо рассмеялся, не скрывая своего злорадства.

***

Ноги просто приросли к полу, когда Шэдо вышел на ринг против Войны. Я не могла сдвинуться с места, не могла вдохнуть, не могла ничего сделать ни с собой, ни с обстоятельствами, что словно удавку на горле затягивали. Тотальное бессилие и ожидание неминуемого.

«Он ведь знает, что делает, правда? — успокаивала себя. — У него всё схвачено…»

Я понимала, что нужно уходить, искать выход, пока Всадники увлечены своей игрой, думать только о себе, а не о друзьях, и уж тем более не о нём.

Что-то щёлкнуло в голове, переключилось, заставило сделать шаг, другой, а после и вовсе побежать, хоть ноги отказывались слушаться, а сердце стучало так, словно штурмовало рёбра. Спустилась на самый нижний этаж, под рингом. Принялась торопливо переступать через пьяные тела, оглядываясь по сторонам. Темно, но прожектора били по глазам, ослепляя. Я шла наугад, стараясь избегать мельтешащих в трясучке и фрикциях тел. Ярусом выше орали, улюлюкали, ругались и свистели.

Мне бы хотелось знать, что творилось на ринге, но я не смела мешкать. Кто-то схватил меня за лодыжку так резко, что я упала на колени, поранив руки о рассыпанные осколки стекла.

— М-м-м-м, хороша самка, — прохрипели из темноты, откуда несло блевотиной и дерьмом.

Взвизгнув, я пнула урода и, видимо, попала, потому что тот отпустил и отстал.

Ускорила шаг, ощущая дрожь в руках. Общество и так-то с головой не дружит в своём большинстве, а сейчас они ещё и все невменяемые. Кто-то лакал вино с пола, кто-то трахался прямо в луже. Середина зала — опасная зона, мне нужно в тёмный угол, к стене. Лихорадочно соображая и пытаясь вспомнить, откуда мы с Войной сюда вошли, я стала попро-

сту ощупывать все вертикальные поверхности в статуе, ища любую вмятину, ручку — всё, что могло оказаться дверью или замком.

«Она где-то здесь! Здесь!» — колотилась в голове назойливая мысль, заряжающая смутной надеждой. Дверь и вправду была на месте… но вросла в стену, слилась с ней, словно её замуровали много лет назад.

«Драконум тебя дери!» — выругалась я, пнув её, и с ещё большим остервенением начала шарить руками, силясь найти рычаг, скрытый камень, что угодно. Как-то же она открывается! Всадники и сами должны же отсюда выйти.

Свист, рёв, удары, грохот музыки и выстрелы прожекторов. Сладострастные стоны, вой, ор, стенания раненых, монотонное капанье крови с канатов и гладкой поверхности ринга. Я попыталась отключить любые чувства, мешающие сосредоточиться на цели, и первым опомнился инстинкт самосохранения.

Пройдя немного влево, я споткнулась обо что-то тёплое и живое, повалилась на него, и только потом услышала тошнотворное отвратительное чавканье и хруст разгрызаемых костей. Чудовище, вооруженное когтями и зубами, в углу доедало… кого-то из гостей. Это я осознала, глядя на оторванную ногу с надетой туфлёй в его лапах. Урод походил на всех прочих тёмных — человекоморфный, заросший густой слипшейся шерстью, но с волчьей пастью и тремя парами маленьких хищно поблёскивающих глазок. Раздумывать над

степенью его цивилизованности стало некогда, когда гад истошно зарычал и бросился на меня, целясь саблевидными когтями в горло. От страха я оцепенела, потеряла дар речи и любую способность оказать сопротивление, только закрылась руками, молясь, чтобы у него не получилось отсечь мне голову первым же ударом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.